

83
269

НОВЫЙ СБОРНИКЪ РУССКИХЪ НАРОД- НЫХЪ СКАЗОКЪ

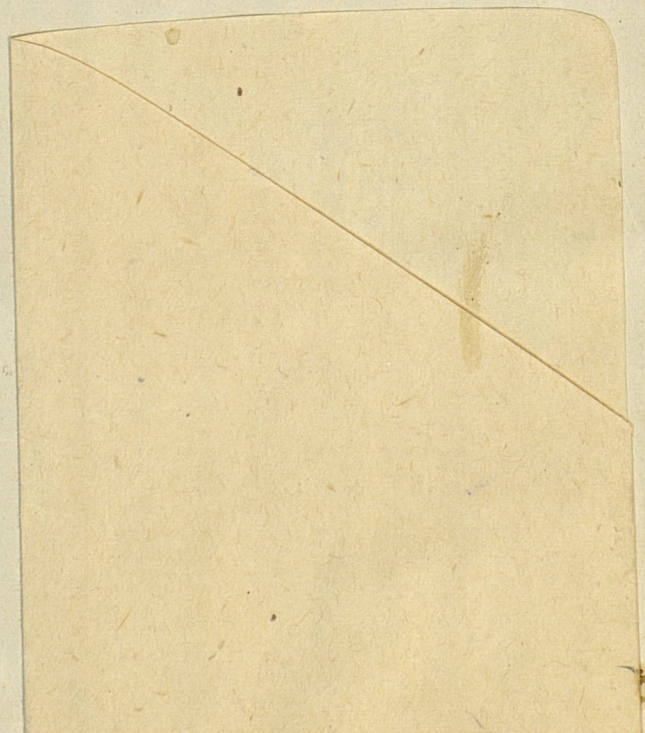
СОСТАВИЛЪ БОЛЬШЕЮ ЧАСТЬЮ ПО НОВЫМЪ ЗАПИСЯМЪ

Е. Н. ОПОЧИНИНЪ

ИЗДАНИЕ

І. КНЕБЕЛЬ

Om
693
21

7 83
269

Е. Н. Опочининъ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ.

По новымъ записямъ.

МОСКВА.
Изданіе I. КНЕБЕЛЬ.
1913.

ՀԱՅԿՈՎԱԿ ԲԻԾՈՒՄ

ԿՆԵՏՈ

ՀԱՅԿՈՎԱԿ ԲԻԾՈՒՄ

99-4655-42

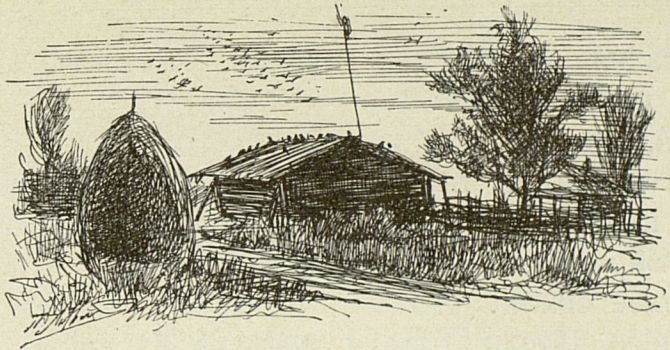

Մեզ Հոսքոն Եւրոպայի Հիւսիսային Կողմից
Տնօրէն Արարողացուի ուր.

Ирочкѣ и Кирюшѣ Авраамовымъ

посвящаю эту книжку.

Е. Опочининъ.

Какъ старуха изъ отопочка бычка добыла.

(С К А З К А).

Шла старуха дорогой и нашла отопочекъ*). Вотъ подняла она его и несетъ, — думаетъ, изгодится. Пришла она въ деревню, просится ночевать. Пустили ее.

— А куда-бы мой отопочекъ дѣвать?

— Положи, — говорятъ, — бабушка, подъ лавку.

— Нѣтъ, — говоритъ старуха, — онъ не любитъ подъ лавкой, а любитъ съ курочками.

Ладно. Бросили отопочекъ въ курятникъ. Встаетъ утромъ старуха и спрашиваетъ хозяевъ:

— А гдѣ-же моя курочка?

— Да что ты, бабушка? Въ умѣ ли? Вѣдь у тебя отопочекъ былъ, а не курочка.

— Нѣтъ, — говоритъ, — курочка! Отдайте, а не отдадите — домъ сожгу.

Дѣлать нечего, отдали старухѣ курочку. Вотъ и пошла она. Приходитъ въ другую деревню, просится ночевать. Пустили ее.

— А куда бы курочку мнѣ дѣвать?

— Да вотъ, сажай ее на дворъ, къ курицамъ.

— Нѣтъ, — говоритъ, — она не любитъ съ курицами, а любитъ съ овечками.

*) Изношенный, отоптанный валеный сапогъ.

Посадили курицу къ овцамъ. Встаетъ старуха утромъ, спрашиваетъ:

— А гдѣ мой барашекъ?

— Въ умѣ-ли ты, бабушка? Какой барашекъ?— У тебя курочка была, а ты барашка спрашиваешь!

— Барашекъ!— говоритъ.— Отдайте! А не отдадите—домъ сожгу.

Нечего дѣлать, отдали старухѣ барашка. Пошла она съ нимъ. Опять на дорогѣ деревня. Зашла она, просится ночевать. Пустили.

— А куда бы моего барашка дѣвать?

— Да поставь,—говорятъ,—къ овцамъ.

— Нѣтъ,—говоритъ,—онъ не любитъ съ овцами, а любитъ съ бычками.

Ладно. Поставили барашка съ бычками. Встаетъ утромъ старуха, спрашиваетъ:

— Гдѣ же мой бычекъ?

— Да что ты,—говорятъ,—бабушка! У тебя баранъ былъ, а не бычекъ.

— Ну вотъ еще выдумали! бычекъ! Я сама и ставила. Отдайте! А не отдадите—домъ сожгу.

Дѣлать нечего, отдали старухѣ бычка. Вотъ пошла она по деревнѣ и украла у мужика сбрую и дровни. Запрягла бычка, сѣла и поѣхала. Ѣдетъ такъово шибко, да кричитъ:

Ужъ ты тпрушки, ты тпрушки, бычекъ!

Со горушки на горушку течеть.

Хомуть трещить, дуга верещить.

Попадается ей навстрѣчу волкъ.

— Покатай, бабушка!

— Садись,—говоритъ.

Вотъ сѣлъ волкъ, поѣхали. Опять кричитъ старуха:

Ужъ ты тпрушки, ты тпрушки, бычекъ!

Со горушки на горушку течеть.

Хомуть трещить, дуга верещить.

Попадается навстрѣчу медвѣдь.

— Покатай, бабушка!

— Садись—говорить,—и ты.

Сѣлъ медвѣдь, поѣхали. Опять свое кричитъ старуха.

Вотъ ѣхали они, ѣхали, и сломайся у нихъ оглобля. Старуха и говоритъ медвѣдю:

— Ну-ка, сходи, принеси оглобелю.

Пошелъ медвѣдь, выдернулъ елку съ корнемъ, тащить.

— На,—говорить,—бабушка!

— Да это, дуракъ, не годится.

И послала старуха волка.

— Ступай,—говорить,—ты поумнѣе, принеси оглоблю.

Пошелъ волкъ, нашелъ на дорогѣ палку, несетъ въ зубахъ.

— На, бабушка!

— И это не годится,—говорить старуха.—Постойте вы тутъ,—я сама схожу.

И пошла она въ лѣсъ, а пока ходила, медвѣдь съ волкомъ зарѣзали бычка и все мясо сѣбли, только шкуру на ногахъ оставили да голову. Въ шкуру они моху набили, сѣнца въ ротъ воткнули. Будто и живой стоитъ. А сами ушли. Вотъ приходитъ старуха, ввернула оглоблю, сѣла въ дровни и кричить:

Ужъ ты тпрушки, ты тпрушки, бычекъ!

Со горушки на горушку течеть.

А бычекъ ни съ мѣста. Слѣзла старуха,—покормить, думаетъ, надобно,—да нѣтъ: у него во рту клокъ сѣна торчитъ, а не ѣстъ и не идетъ. Тутъ старуха съ досады какъ дернетъ за возжи, быкъ-то и упалъ. Нечего дѣлать, вылѣзла она съ дровней и пошла пѣшкомъ. И сейчасъ идетъ. А какъ придетъ куда-нибудь—новая сказка начнется.

Козель и волкъ.

(П О Б А С Е Н К А).

Задумаль псковской козель въ Ярославлѣ побывать. «Дай,—думаетъ,—на Волгу посмотрю, да и ярославцевъ хвалятъ». Вотъ надумаль козель и пошелъ. Шель онъ, шель и вышелъ на большую дорогу. А дорога-то была грязная,—вода на ней лужами стояла. Подошелъ козель къ лужѣ, глядитъ въ воду, какъ въ зеркало, самъ себя видитъ и хвалится.

— Ахъ,—говоритъ,—какой я! Борода-то у меня какая! У московскаго купца—и то такой нѣтъ. А рога-то! Попался бы мнѣ теперъ ярославскій волкъ, я бы его рогами-то!

А ярославскій волкъ—туть, какъ тутъ: за обваломъ онъ лежалъ и козлиную похвальбу слышалъ. Вышелъ онъ и спрашиваетъ:

— Что ты, козель, говорилъ?

— Эхъ, хорошій волкъ!—отвѣчаетъ козель.—Мало-ли что передъ смертью-то говорится. Не всякое лыко въ строку...

Схватилъ волкъ козла за шиворотъ, а тотъ его приговариваетъ, величаетъ:

— Полно, Никита Кузьмичъ!

Поотпустилъ волкъ козла, а тотъ его опять величаетъ.

— Господинъ капралъ! Никита Кузьмичъ! Сколько я служивыхъ видалъ, а такого еще не приводилось...

Совсѣмъ выпустилъ козла волкъ, а тотъ какъ бросится со всѣхъ ногъ. Только брызги во всѣ стороны полетѣли. Собрался было волкъ его догонять, да подумалъ, что ему бѣгать взапуски съ козломъ не приходится,—не даромъ онъ Никита Кузьмичъ, да еще въ капральскомъ званіи...

Такъ и ушелъ козелъ. Дошелъ до деревни и забрался въ огородъ, поближе къ капусткѣ.

«Дивлюсь!»

(ИЗЪ НАРОДНЫХЪ РОЗСКАЗНЕЙ).

Шли два плута-мазурика—московскій да питерскій. А мужикъ въ полѣ оралъ. Тутъ, противъ самой полосы, елка стояла. Вотъ одинъ плутъ залѣзъ на елку, а другой за кустомъ съ другого конца схоронился. Тотъ, что на елкѣ-то сидѣлъ, какъ подѣдетъ мужикъ, и кричитъ:

— Дивлюсь!

Разъ крикнулъ и два. Мужику захотѣлось знать, что это онъ кричитъ, а догадки не хватило спросить, какъ къ елкѣ подѣзжалъ. Вотъ доѣхалъ онъ почитай до другого конца, оставилъ лошадь и пошелъ вдоль полосы назадъ.

Подходитъ къ межнику, а плутъ съ елки опять ему кричитъ:

— Дивлюсь!

— На что ты дивишься-то?—спросилъ мужикъ.

— Да какъ-же,—говорить,—не дивиться? Я тутъ сию на ели, а у тебя лошадь увели.

Оглянулся мужикъ назадъ: и вправду—одна соха стоитъ.

Сказка про Иванушку-дурачка.

Жили-были старикъ со старухой, а у нихъ было три сына. Два были умные; третій сынъ—совсѣмъ дуракъ. Звали его Иванушкой.

Такъ они жили, поживали, и вотъ задумалъ старшій сынъ жениться. Поднялись въ домѣ хлопоты: надо все къ свадьбѣ приготовить, въ городъ за припасами съѣздить. А кому ѣхать? Старшему брату нельзя, второму тоже некогда; остается Иванушка-дурачекъ.

Вотъ позвали дурака, дали ему денегъ и все растолковали:

— Купи,—говорять,—столь, потомъ ложекъ, потомъ пудъ масла постнаго, да муки, да говядины, да соли по пуду. Да еще горшковъ купи. Только смотри, дуракъ, не напутай. Ну, все понялъ? поѣдешь?

— Отчего не поѣхать? Вотъ увидите, какъ все ладно сдѣлаю.

Поѣхалъ дуракъ въ городъ. Все, что велѣли, купилъ, ничего не забылъ и веселый домой отправился. Ыдетъ себѣ да посвистываетъ. А время-то къ веснѣ было. Доѣхалъ Иванушка до рѣки, переѣзжать надо. Поѣхалъ, вдругъ лошадь стала и дальше не идетъ. Посмотрѣлъ Иванъ, а во льду-то щель.

— Ничего,—говорить,—постой, я это дѣло поправлю

Вытащилъ онъ муку, высыпалъ въ щель, масломъ залилъ—любо глядѣть! Не видно стало трещины—пошла лошадь дальше.

Переѣхаль Иванъ рѣку и покатыль себѣ. Лошадь бѣжитъ рысью, а ложки въ столѣ брякъ да брякъ! «Что за притча?» думаетъ Иванъ,—ложки мнѣ кричатъ: «дуракъ, дуракъ!» Пойдите же, я васъ отучу ругаться! Я-жъ ихъ везу, а онѣ меня какъ величаютъ. Такъ вотъ же—не повезу больше! Ступайте, куда знаете!

Взялъ да и выбросилъ ложки изъ стола.

Дальше поѣхаль. Гора попадается. Лошадь опять стала, не идетъ, да и все. Иванъ и такъ и эдакъ,—ничего не выходитъ. Тутъ его вдругъ и осѣнило: какъ кинется къ столу:

— Ахъ ты,—говорить,—лѣнтяй, лежебокъ этакій! У меня вонъ всего двѣ ноги, и то я съ воза сошелъ, а ты и на четырехъ итти не хочешь. Я тебѣ дамъ сидѣть!

Снялъ онъ съ воза столъ, поставилъ у дороги, глядь,—и лошадь пошла. Ёдетъ Иванъ дальше и радуется: «И молодецъ же я!» Доѣхаль онъ до вырубки; ёдетъ, на пеньки смотритъ и жалко ихъ ему стало. Стоять пеньки, ничѣмъ не прикрытые, всѣ снѣгомъ занесенные.

— Бѣдняги вы, бѣдняги!—говорить. — И шапокъ то у васъ нѣтъ, нечѣмъ голову отъ мороза укрыть.. Вы моему батюшкѣ работнички, и я вамъ помогу. На-те, поминайте батюшку съ матушкой!

И надѣлъ онъ всѣ горшки на пеньки.

Дальше ёдетъ Иванъ, видитъ: усадьба стоитъ. Сталъ онъ по двору проѣзжать, собаки какъ кинутся за нимъ. Лають: «гамъ! гамъ!» Усмѣхается дуракъ: «ишь надрываются, въ гости зовутъ: къ намъ! къ намъ!

— Некогда,—говорить,—мнѣ сейчасъ къ вамъ ѣхать. Дома ждуть. Ужѣ въ другой разъ заѣду, а пока угостить васъ могу.

И повыкидалъ собакамъ всю говядину.

Бдетъ дальше, посвистываетъ. И вздумалось ему лошадь напоить. А на дорогѣ-то ужъ кое-гдѣ лужи стояли. Подѣхалъ онъ къ одной лужинкѣ, лошадь оста-

новиль и давай свистать: пей, моль. Лошадь стоитъ, головой мотаетъ, а пить не пьетъ.

— Что,—говоритъ Иванъ,—али соли нѣту? Ну, я это дѣло поправлю. Схватилъ онъ мѣшокъ и бухъ всю соль въ лужу. Лошадь сейчасъ пить начала: любятъ

онѣ соленое-то. Напилась она, поѣхалъ Иванъ дальше. Приѣзжаетъ къ дому налегкѣ. Выбѣжали ему навстрѣчу братья:

— Что,—спрашиваютъ,—все закупишь?

— Все до капельки,—говорить.

— Гдѣ жъ покупки-то? давай сюда.

— Да онѣ по разнымъ дѣламъ ушли.

— По какимъ-такимъ дѣламъ? А ложки гдѣ?

— Ложки? Сварливы онѣ что-то стали. Я-же ихъ везу, а онѣ въ столѣ, знай, бранятся: «дуракъ!» кричать, «дуракъ!» Это я-то? Я ихъ унимать, а онѣ опять за свое, ну и выбросилъ ихъ по дорогѣ.

Разказалъ Иванъ братьямъ и про другія покупки. Накинулись на него:

— Ахъ, дуракъ ты, дуракъ невиданный! И тутъ бѣдъ надѣлалъ!

— Однако, свадьба-то близко, чѣмъ тужить, надо опять въ городъ ѣхать. Говорятъ братья Ивану:

— Ну, дуракъ, теперь сами мы въ городъ поѣдемъ, а ты здѣсь пиво вари. Авось, хоть это справишь.

Поѣхали они въ городъ, а дуракъ остался пиво варить. Дали ему хмелю, муки, солоду.

— Ну,—думаетъ Иванъ,—и пива же я наварю на славу!

Принесъ онъ въ избу лотокъ, на какомъ дѣти съ горъ катаются, а во всѣ кадки въ домѣ воды налилъ. Потомъ дверь заперъ, всю воду на полъ вылилъ, муку, хмель и солодъ въ нее высыпалъ, а самъ въ лоткѣ началъ по избѣ ѣздить. Ѣздитъ, ѣздитъ, вода пѣнится, а Иванъ радуется: «Ну и пиво будетъ!»

Тутъ и братья изъ города вернулись, въ дверь стучать. А Иванъ имъ:

— Погодите, сейчасъ отворю! Вотъ только доѣду!

— Да ты, что дѣлаешь-то?

— Какъ что? Пиво варю!

— Такъ отворяй же!

— Дайте доѣхать!

Ничего не поняли братья, разсердились и дверь выломали. Вода изъ избы такъ и хлынула. Закричали они съ испугу, а Иванъ говорить:

— Что это вы, братцы, надѣлали? Теперь и пива у насъ не будетъ. Вѣдь какое вышло славное, пѣнистое, а вы все и выпустили. Э-эхъ, братцы, братцы!

Тутъ только поняли братья, въ чемъ дѣло, и руками развели.

— Ну и дуракъ! Вотъ это такъ дуракъ!

И съ тѣхъ поръ закаялись Ивану дѣло давать. Видятъ, хуже приходится: ничего онъ не сдѣлаетъ, а вдвое напортить.

Иванушка дурень-варень.

Жиль-быль въ одномъ селѣ Иванъ дурень-варень. Женать былъ дурень; жену звали Софья Опросентьевна.

Разъ захотѣлось Ивану прогуляться. Пошелъ онъ. Идетъ, а у дороги въ полѣ мужичекъ пшеницу сѣеть.

Увидаль его дурень и говорить:

— Богъ въ помощь тебѣ, дядя! По краямъ-то пусто, а въ серединѣ ничего нѣтъ!

Услыхаль это мужичекъ, да, вмѣсто спасибо, какъ накинется на дурня, какъ примется его колотить. Пошелъ дурень, весь избитый, домой. Идетъ и плачетъ.

— Софья моя, Опросентьевна!

Били меня, колотили меня!

Жалко его стало женѣ. Утѣшила она Ивана, а потомъ спрашиваетъ:

— Кто-жь тебя, дурень? кто-жь тебя, варень?

Разказаль ей Иванъ, какъ мужичка встрѣтилъ, что сказалъ и что дальше было. Разсердилась жена:

— И вправду,—говорить,—дуракъ же ты! Тебѣ бы вотъ что сказать: «Богъ въ помощь! Носомъ бы тебѣ не выносить, возомъ бы тебѣ не вывозить!»

— Ладно,—говорить дурень.—Теперь запомню.

Въ другой разъ пошелъ Иванъ прогуляться. Видитъ: навстрѣчу ему покойника везуть. Вспомнилъ онъ женино наставленіе, да и говорить:

— Богъ въ помощь! Носомъ бы вамъ не выносить, возомъ бы не вывозить!

Какъ тутъ на него набросятся. Совсѣмъ избили, едва до дому добрался. Идетъ и плачетъ:

Софья моя, Опросентьевна!

Били меня, колотили меня!

Увидала его жена, сначала испугалась, а какъ узнала, за что Ивана избили, совсѣмъ ее зло взяло.

— Что ты,—говорить,—дурень? На смѣхъ, что ли, такъ дѣлаешь? Тебѣ бы вотъ что сказать, какъ ты гробъ-то увидѣлъ: «Вѣчная память! примите на свѣчку!» А ты что такое брякнулъ!

— Ну ладно же,—говорить дурень,—въ другой разъ такъ скажу.

И надо же было такой бѣдѣ случиться, что, какъ пошелъ опять дурень гулять, свадьба ему на встрѣчу ѣдетъ. Дурень скорѣй къ нимъ, подалъ жениху копѣйку и говорить:

— Вѣчная память! Примите на свѣчку!

Опять на него набросились, опять онъ, весь избитый, домой идетъ. Идетъ и причитаеть:

Софья моя, Опросентьевна!

Били меня, колотили меня!

Услыхала она, выбѣжала; рассказалъ ей Иванъ, что вышло. А она только руками всплеснула.

— Дурень ты,—говорить,—дурень! жениху этакое слово сказалъ!—Ты бы, какъ свадьбу-то увидаль, заплясаль-бы, заскакаль, пѣсни бы сталъ пѣть! А то: «Вѣчная память!»

— Что жъ,—говорить Иванъ,—я и такъ сдѣлаю.

Вотъ пошелъ онъ какъ-то опять гулять. Шель, шель и видитъ: горитъ у мужика овинь. Дурень сейчасъ въ плясъ пустился и пѣсню было пѣть началъ, да его тутъ-же принялись колотить. Опять онъ съ плачемъ къ женѣ идетъ:

— Били меня, колотили меня!

Увидѣла его жена, догадалась, что онъ, вѣрно, опять перепуталъ и прямо спрашиваетъ:

— Что ты надѣлалъ?

Разказалъ ей Иванъ.

— Ну и дуракъ ты, — говоритъ жена. — Этакъ и всегда тебѣ битымъ ходить. Тебѣ бы ведро схватить, да и заливать.

— Ладно, — говоритъ дурень, — такъ и сдѣлаю.

Вотъ пошелъ онъ опять. — Видитъ: мужикъ свинью палить. Подбѣжалъ къ нему Иванъ и полное ведро на свинью бухъ! Разсердился мужикъ и началъ его отдѣлывать. Кое-какъ вырвался Иванъ; бѣжить къ женѣ, плачетъ:

Софья моя, Опросентьевна!

Били меня, колотили меня!

— Ахъ, горькая твоя головушка! Чего ты опять натворилъ?

Сказалъ ей Иванъ.

— Ну, такъ и есть! — говоритъ жена. — Тебѣ бы, дурню, вотъ что сказать:

— Богъ въ помощь, дядюшка! Тѣмъ же кусочкомъ заговѣться, тѣмъ и разговѣться!

— Охъ, — говоритъ Иванъ, — теперь такъ и скажу.

Вотъ вышелъ онъ опять, смотреть — навстрѣчу-же ему мужичекъ ѣдетъ, навозъ на полосу везетъ. Остановился Иванъ и говоритъ:

— Богъ въ помощь, дядюшка! Тѣмъ же бы кусочкомъ тебѣ заговѣться, тѣмъ же и разговѣться.

Разсердился на него мужикъ:

— Ахъ ты, говоритъ, — такой-сякой! Что ты болтаешь?

И давай дурня учить. Прибѣжалъ Иванъ домой, плачетъ:

Софья моя, Опросентьевна!

Били меня, колотили меня!

А жена только вздыхаетъ:

— Охъ, что еще съ тобой стряслось?

А какъ узнала, какъ дѣло было, головой покачала:

— Ахъ, дурень ты, дурень! Ничего-то въ толкъ не возьмешь. Плюнулъ бы, да и пошелъ дальше.

— Ну, въ другой разъ такъ и сдѣлаю.

Опять захотѣлось Ивану прогуляться. И попадаетъ ему священникъ съ иконами. Вспомнилъ дурень мужицкіе побои, плюнулъ и хотѣлъ дальше итти, да не тутъ-то было! И досталось же ему на этотъ разъ.

Прибѣжалъ онъ домой, воетъ. А жена ужъ у дверей встрѣчаетъ:

— Наказаніе ты мое! Что ты еще натворилъ?

Все ей разсказалъ Иванъ. Какъ накинется на него жена:

— Да что же ты, наконецъ, Иванъ? Совсѣмъ погубить себя хочешь? Этакое дѣло! Ты бы, дурень, подошелъ да сказалъ: благословите, батюшка. Онъ бы и благословилъ тебѣ.

— Ладно, — говоритъ дурень, — пойду въ другой разъ, такъ и благословлюсь.

Случилось ему въ другой разъ мимо лѣса итти. Вдругъ видитъ онъ: медвѣдь сидитъ. Дурень къ нему: «батюшка, благослови!» А медвѣдь какъ зарычитъ, да лапой его по лбу разъ... Изъ дурня и духъ вонь. Туда ему и дорога: все однимъ дуракомъ меньше.

Про Ивана, крестьянскаго сына, и дѣдушку водяного.

Жили-были мужикъ съ бабой; не было у нихъ ни сына, ни дочки. Разъ собрался мужикъ на мельницу. Приѣхалъ и сѣлъ на берегу рѣчки дожидаться, пока жернова хлѣбъ перемелютъ. И захотѣлось ему воды напиться. Наклонился онъ къ рѣчкѣ и только сталъ пить, какъ вдругъ слышитъ кто-то его за бороду схватилъ и крѣпко-накрѣпко держитъ. Мужикъ туда-сюда головой,—нѣтъ, не вырваться. Взмолился онъ:

— Кто это меня за бороду держитъ? Отпусти!

А изъ воды голосъ слышится:

— Я—водяной. Не пущу, коли не отдашь мнѣ у себя дома того, чего самъ не знаешь.

— Ну, хорошо,—говоритъ мужикъ.

Заставилъ его водяной расписку въ томъ собственной кровью написать и только тогда отпустилъ.

Приѣхалъ мужикъ домой, женѣ ни слова не сказалъ, а у самого на сердцѣ кошки скребутъ. Недоброе что-то чуется. «Ну,—думаетъ,—никто, какъ Богъ!»

Вотъ прошло сколько-то времени и родился у мужика сынъ; назвали его Иваномъ. Мать на него не на радуется, а мужикъ смотритъ да вздыхаетъ. Понялъ онъ теперь, что водяному отдать обѣщалъ. А мальчикъ растеть себѣ, да такой пригожій и занятный, что всѣмъ на диво. Горюетъ мужикъ потихоньку, а водяной о себѣ вѣсти не подаетъ. «Можетъ, и обойдется!» И женѣ ни слова не говоритъ.

Вотъ ужъ совсѣмъ подросъ Иванъ и грамотѣ выучился. Люди на него заглядываются, отецъ съ матерью налюбоваться не могутъ. Поуспокоился мужикъ.

Только разъ спалъ Иванъ на лавкѣ и слышитъ, словно кто въ окно стучить. А тамъ и голосъ раздался:

— Ванюшка, а Ванюшка! Что-то долго тебя ко мнѣ не присылаютъ. Заждался я тебя. Скажи отцу съ матерью, что коли черезъ три дня тебя ко мнѣ не приведутъ, такъ я все равно тебя силой возьму, а имъ тогда смерти не миновать.

Услышаль это Иванъ и заплакалъ со страху. Подбѣжали къ нему отецъ и мать, стали спрашивать. Рассказаль онъ имъ все; мать уговаривать начала: «полно, сынокъ! Мало-ли что ночью померещится». А отецъ только за волосы схватился и ни словечка не выговориль.

Увидала это мать, испугалась: зная, дѣло не просто. Приступила она къ мужу съ разспросами, тотъ ей и повѣдалъ, какъ онъ сына водяному отдалъ. Стали они вмѣстѣ раздумывать, какъ горю пособить, и у сосѣдей спрашивали. Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ: надо Ванюшку къ водяному отвести, не то онъ ихъ обоихъ погубить, а свое все-таки возьметъ.

Загоревали отецъ съ матерью: горько съ сыномъ разставаться, на невѣдомую жизнь посылать. А три дня не великъ срокъ, ужъ и къ концу подходятъ. Напекла баба пироговъ да лепешекъ на дорогу и повели они съ мужемъ сына на мельницу. Пришли къ берегу, поплакали, простились съ сыномъ и домой пошли.

Остался Иванъ одинъ на берегу и сталъ ждать. Ждаль, ждаль,—никто не приходитъ. А ужъ ночь близко, темнѣть начинаетъ.

Наскучило Ванѣ сидѣть да дожидаться, всталъ онъ и пошелъ въ лѣсъ. Шель, шель по тропочкѣ, куда глаза глядятъ, и вышелъ къ избушкѣ. Заглянулъ онъ туда, а тамъ сидитъ старый-престарый дѣдушка.

Попросился у него Ваня переночевать, тотъ пустилъ. Утромъ собрался уходить, а дѣдъ на прощанье далъ ему яичко и говорить:

— Возьми, оно пригодится. Какъ пойдешь отъ меня, положи его передъ собой и толкни: оно и покатится, а ты за нимъ иди, не отставай. Докатится оно до озера, подъ ракиновымъ кусточкомъ станетъ. Сядь ты подъ этотъ кусточекъ и жди. Прилетятъ туда 12 голубиць, о землю ударятся и станутъ двѣнадцатю дѣвицами. Начнутъ онѣ купаться, а тутъ подлетитъ 13-я. Какъ она въ воду войдетъ, ты подкрадись и платье ея возьми.

Поблагодарилъ Иванушка старика, вышелъ изъ избушки и шель за яичкомъ до озера. Сѣлъ подъ ракиновый кусточекъ и сталъ ждать. Скоро прилетѣли 12 голубиць,—все такъ вышло, какъ старикъ говорилъ, и Иванушка все по его словамъ сдѣлалъ: унесъ платье у 13-й дѣвицы. Вотъ вышли всѣ изъ воды, другія опять голубицами оборотились и улетѣли, а она все платье своего ищетъ. Увидала, что нѣтъ его нигдѣ и говорить:

— Кто, человѣкъ добрый, мое платье унесъ, отзовись! Если старъ старичекъ—будь мнѣ батюшкой, если старая старушка—будь матушкой, а удалый молодець—будь мнѣ милый другъ!

Услыхалъ это Иванушка, вышелъ изъ куста и отдалъ дѣвицѣ платье. Слово за слово—разказалъ онъ ей свою долю горькую, а она отвѣчаетъ:

— Ты туда же идешь, гдѣ всѣ мы живемъ. Меня тоже отецъ съ матушкой водяному отдали. А зовутъ меня Марьей.

Пошли они вмѣстѣ къ водяному, а дорогой дѣвица Иванушку учить, какъ ему съ водянымъ говорить и что дѣлать.

— Придешь къ нему,—говорить,—и скажи: «Здравствуй, дѣдушка!» Онъ тебя съ собой обѣдать посадить—ты садись и ѣшь; потомъ поднесетъ чашку вина—пей.

Тутъ пришли они къ большому, большому дому. У оконъ 12 дѣвиць сидятъ и всѣ на Иванушку смотрятъ. А онъ на нихъ и не поглядѣлъ, прямо къ водяному пошелъ.

Вотъ пришелъ онъ къ водяному и все сдѣлалъ, какъ дѣвица Марья говорила: и поздоровался, и отоѣдалъ, и вина чашку выпилъ. Послѣ этого говорить ему водяной:

— Ты бы пошелъ, погулялъ у меня въ саду.

Послушался Иванушка, пошелъ въ садъ. Встрѣтилъ онъ тамъ Марью и сталъ вмѣстѣ съ ней гулять. Вдругъ видитъ онъ прудъ; вокругъ того пруда колышки вбиты, а на колышкахъ мертвыя головы сидятъ, а два колышка пустые.

— Что это?—спрашиваетъ.

— А не пришлось бы на этихъ колышкахъ нашимъ головкамъ висѣть,—отвѣчаетъ Марья.

Удивился Иванушка, ничего не сказалъ. Вернулся онъ въ домъ, а водяной ужъ ему работу приготовилъ: велитъ 12 десятинь въ одну ночь вспахать и рожь посѣять. «Да пусть,—говорить,—рожь-то поспѣетъ. Да чтобъ къ утру ты ее вымолотилъ, смололъ и хлѣба напекъ».

Видитъ Иванушка: дѣло плохо; пригорюнился, пошелъ къ Марьѣ и рассказалъ, какая у него бѣда случилась.

— Ничего,—говорить Марья.—Ты не убивайся. Ложись-ка лучше спать, а утромъ проснешься, все готово будетъ.

Послушался ея Иванушка. Утромъ рано приходитъ онъ къ ней, а она говорить:

— Иди скорѣй, вынимай послѣдній каравай изъ печи. Сейчасъ дѣдушка придетъ. Увидитъ онъ, что все готово и начнетъ тебя спрашивать: твоими ли руками сдѣлано? А ты тутъ и закричи:

— Ты мнѣ, что-ли, помогаль?

Пошелъ Иванушка послѣдній каравай вынимать. Вотъ приходитъ къ нему водяной; поглядѣлъ, поглядѣлъ и говорить:

— Ну и молодецъ же ты, Ванюшка! Только твоими-ли руками все сдѣлано?

Закричалъ на него Иванушка сердитымъ голосомъ:

— Да ты мнѣ помогаль, что ли? Во всю ночь ты ни разу не приходилъ!

— Полно, Ваня,—говоритъ водяной,—не сердись. Пойдемъ лучше, пообѣдаемъ.

Пошли они обѣдать. И говорить водяной Иванушкѣ:

— Ну, сдѣлалъ ты мнѣ, что нужно. Теперь я тебя женить хочу. У меня здѣсь 13 дѣвиць; самъ и невѣсту выберешь.

— Опять загрустилъ Иванушка. «Какъ мнѣ,—думаетъ,—Марью выбрать. когда всѣ 13 дѣвиць, какъ одна!»

Пошелъ онъ къ Марьѣ о новой бѣдѣ рассказывать, а она говорить:

— Ты не горюй. Правда, мы всѣ, какъ одна, и въ одинаковыхъ платьяхъ будемъ. Только у меня изъ кармана кончикъ бѣлаго платка виденъ будетъ. Ты меня и узнаешь. Смотри только, не забудь.

На другой день собралъ водяной всѣхъ дѣвиць и велѣлъ Иванушкѣ невѣсту выбирать. Стоять всѣ 13 дѣвиць, какъ одна, не отличишь.

А Иванъ знакъ помнить и выбралъ Марью.

— Погоди,—говорить водяной,—до другого разу. Я еще тебѣ выбрать дамъ.

Опять пошелъ Иванушка къ Марьѣ, а она ужъ другую примѣту придумала. «Теперь,—говорить,—будеть у меня на щекѣ муха сидѣть».

Запомнилъ Иванушка и опять Марью выбралъ. Захотѣлъ водяной въ третій разъ его выбирать заставить. И тутъ Марья новый знакъ выдумала: пообщала чуть примѣтно ногой шевельнуть. И въ третій разъ выбралъ ее Иванушка. Ну тутъ ужъ водяной не сталъ больше откладывать и свадьбу справилъ.

Послѣ свадьбы вышелъ Иванушка съ женой въ садъ погулять, а она и говорить:

— Вотъ теперь бы намъ съ тобою уйти отсюда. Давай-ка подумаемъ, какъ это устроить.

Порѣшили они, что лучше теперь же попробовать. Дѣдушка водяной въ это время спалъ, а они собрались и въ путь-дорогу отправились.

Идутъ они, торопятся, а водяной-то ужъ проснуться успѣлъ, хватился ихъ и погоню послалъ. А Марья того и боялась, приложила ухо къ землѣ, услышала погоню и говорить мужу: «это водяной за нами послалъ». Мигомъ ударила обь землю, стала овцой, а Иванушка въ пастуха оборотился. А тутъ и погоня подоспѣла, спрашиваетъ:

— Эй, пастухъ! Не видалъ ты, проходили здѣсь мужчина съ женщиной?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Иванушка,—никого я не видалъ, а цѣлый день тутъ пась.

Воротилась погоня къ водяному, а Иванушка съ Машей дальше пошли.

Долго-ли, коротко-ли, слышитъ Маша: опять погоня. Тутъ сама она церковью обернулась, церковь-то старая, старая, вся мохомъ поросла, а Иванушку слѣ-

лала старымъ священникомъ. Прилетѣла погоня, сейчасъ къ нему:

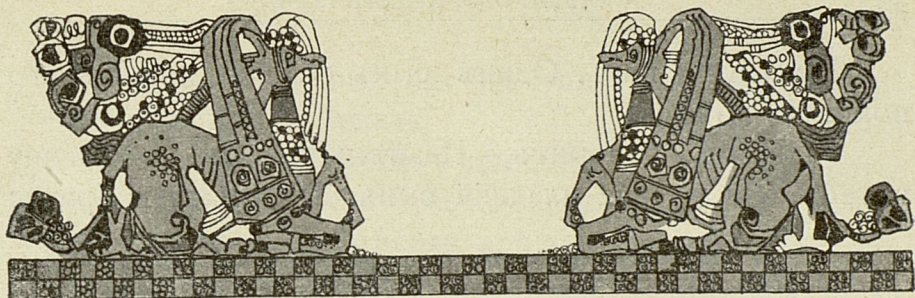
— Не видалъ-ли,—спрашиваютъ,—мужчину съ женщиной?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Иванушка.—Кому здѣсь быть? Сколько лѣтъ я тутъ прожилъ, вонъ и церковь вся мохомъ обросла, а кого видѣлъ? Одинъ Богу службу справляю.

Опять уѣхала ни съ чѣмъ погоня, а Иванъ съ Машей дальше пошли. Только, немного погодя, слышитъ Маша: опять за ними гонятся. А гнался-то самъ водяной. Увидалъ онъ, что безъ него толку не будетъ, и рѣшилъ самъ бѣглецовъ изловить. Вотъ ужъ близко погоня. Тутъ Маша скорѣе Иванушку въ рѣку обратила, а сама щукой поплыла.

Подѣхалъ водяной, взглянулъ на рѣку, въ обманъ не дался, а вмѣсто того самъ ракомъ обернулся и кинулся со щукой драться. Только щука-то его и проглотила.

Тутъ Марья изъ щуки опять дѣвицей стала, а рѣку Иванушкой сдѣлала и пошли дальше. Бояться ужъ нечего было. Добрались они до Иванушкинаго дома благополучно, и что тутъ радости у отца съ матерью было!

Сказка о золотой горѣ.

Жиль-быль царь. Далъ ему Богъ трехъ сыновей. Старшій — Димитрій-царевичъ, второй Василій-царевичъ, а самый младшій—Иванъ-царевичъ.

Разъ вышли царь съ царицей въ садъ погулять. Нежданно-негаданно поднялся вихрь и унесъ царицу у мужа на глазахъ. Горе его обуяло. Какъ бѣдѣ помочь? Вернулся царь во дворець, созвалъ сыновей и говорить имъ:

— Дѣти мои милыя! Послалъ намъ Господь бѣду. Гулялъ я сейчасъ съ царицей по саду; вдругъ, откуда ни возьмись, вихрь поднялся, подхватилъ ее и унесъ невѣдомо куда. Нѣтъ у меня больше жены, а у васъ матери. Надо вамъ собраться въ путь-дорогу: можетъ, еще и вызволимъ ее.

Живо собрались старшіе сыновья, взяли съ собой слугъ и поѣхали.

Ждутъ ихъ дома мѣсяць, ждутъ и два. Ни слуху, ни духу: безъ вѣсти оба царевича пропали. Еще пуще затосковалъ царь: «Не видать мнѣ больше ни жены, ни дѣтей! Видно, нѣтъ ужъ ихъ на бѣломъ свѣтѣ, что не шлютъ отцу вѣсточки!»

Вотъ приходитъ къ царю самый младшій сынъ, Иванъ-царевичъ, и говорить:

— Пришелъ я, батюшка, проститься съ тобой. Поѣду въ дальній путь: искать матушку съ братьями.

Испугался царь. Одинъ сынъ остался, и тотъ его покинуть хочетъ.

— Нѣтъ,—говорить,—Иванъ-царевичъ, не отпущу я тебя. Ты у меня младшій сынъ. Твоя мать и братья

старшіе безъ вѣсти пропали, и ты не вернешься. Нѣтъ, останься хоть ты мнѣ на утѣшеніе!

Не послушалъ отца Иванъ-царевичъ, взялъ съ собой только четверыхъ слугъ и поѣхалъ мать съ братьями отыскивать.

Ѣхалъ, Ѣхалъ Иванъ-царевичъ и пріѣхалъ на поле; посреди поля шатеръ стоитъ, а въ шатрѣ братья сидятъ. Подѣхалъ къ нимъ Иванъ-царевичъ и говоритъ:

— Что-жь это вы, братцы мои родные! Развѣ такъ надо матушку искать?

Стыдно стало старшимъ царевичамъ: тутъ же слугу отпустили царя утѣшить, сказать, что Иванъ-царевичъ братьевъ нашель, и поѣхали всѣ вмѣстѣ мать искать.

Долго-ли, коротко-ли ѣхали братья черезъ чужія земли и приѣхали къ высокой горѣ, а гора-то вся изъ золота,—какъ жаръ горить.

Говорить братьямъ Иванъ-царевичъ:

— Ну, вы, братцы, здѣсь оставайтесь, а я пойду ходъ въ золотую гору отыскивать.

Ходилъ онъ, ходилъ вокругъ всей горы, наконецъ ходъ отыскалъ и вошелъ туда. А въ горѣ-то нашлись когти на руки и на ноги.

Захватилъ ихъ съ собой Иванъ-царевичъ и вышелъ къ братьямъ:

— Слушайте,—говорить,—я одинъ на гору полѣзу, а вы меня ждите девять дней. Если не вернусь, знайте: нѣтъ меня на бѣломъ свѣтѣ. А коли живъ буду, вѣсть о себѣ пришлю. Вы же къ батюшкѣ поѣзжайте и все ему расскажите.

Одѣлъ Иванъ-царевичъ когти на руки и на ноги и полѣзъ на гору.

Вскарабкался на самый верхъ, видитъ—стоитъ высокій дубъ. Сѣлъ Иванъ-царевичъ подъ дубъ отдохнуть, а когти снялъ и рядомъ положилъ. Оглянулся, а когтей нѣтъ, какъ нѣтъ.

Посидѣлъ онъ подъ дубомъ, поотдохнулъ и пошелъ опять бродить по золотой горѣ. Гулялъ, гулялъ, вдругъ видитъ передъ собой мѣдный колодець; два мѣдные ковша въ немъ плаваютъ, а рядомъ два тигра лежать, пасть раскрыта, дышать тяжело,—пить хотять. Лежать и проходу не даютъ. Подошелъ Иванъ-царевичъ къ звѣрямъ, взялъ ковшъ, напоилъ ихъ,—они ему сразу дорогу дали. Пошелъ онъ дальше, пришелъ къ

серебряному колодцу; въ колодцѣ два серебряныхъ же ковша плаваютъ, а рядомъ два льва лежать, пить хотять и пройти не даютъ. Опять напоилъ звѣрей Иванъ-царевичъ, дали они ему дорогу и пошелъ онъ себѣ дальше. Шелъ, шелъ и приходитъ къ высокой серебряной стѣнѣ; за стѣной городъ виденъ, весь изъ чистаго серебра, такъ и сияеть.

Иванъ-царевичъ долго не думалъ: отыскалъ въ стѣнѣ ворота, вошелъ и очутился въ серебряномъ царствѣ. Видитъ: стоитъ дворецъ; онъ и туда заглянулъ, а во дворцѣ-то стоитъ царица въ серебряномъ платьѣ. Увидала она Ивана-царевича, да какъ закричить:

— Что за человекъ? Какъ сюда попалъ? Зачѣмъ пришелъ?

— Матушку ищу,—говоритъ Иванъ-царевичъ.

Испугалась царица:

— Ступай,—говоритъ,—лучше отсюда поскорѣе! Сейчасъ Вихоръ прилетитъ и ты даромъ смерть примешь, а матери не найдешь. Видно и ее, какъ меня, Вихоръ унесъ, только невѣдомо, гдѣ спряталъ. А ты иди лучше въ золотое царство, оно тутъ близко будетъ. Тамъ во дворцѣ царицу увидишь. Не поможетъ ли она тебѣ мать отыскать? А назадъ съ горы пойдешь, не забудь за мной придти, съ собой возьми.

Дала она тутъ царевичу серебряное яичко, да не простое, а волшебное: имъ все серебряное царство держалось. Простился съ ней царевичъ и дальше пошелъ.

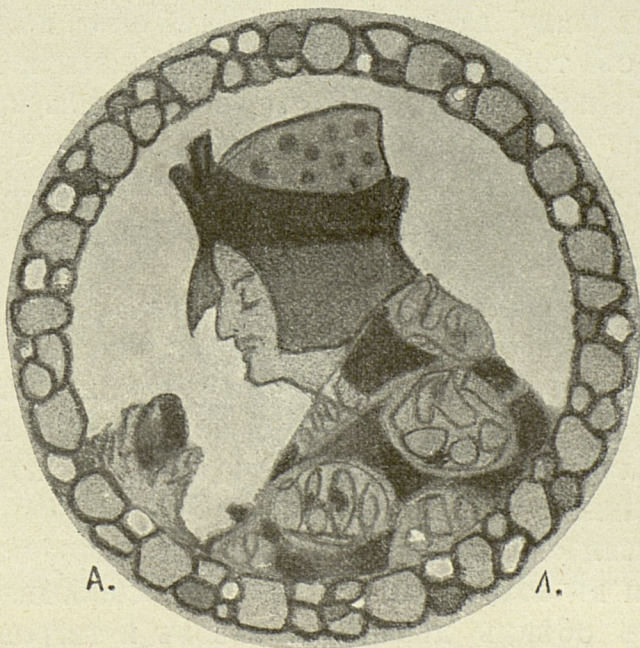
Вотъ пришелъ онъ въ золотое царство и нашелъ во дворцѣ дѣвицу красоты неописанной. Увидала она его, испугалась, закричала:

— Уходи скорѣе, коли жизнь тебѣ мила! Не попадайся Вихрю! Каждый день онъ сюда летаетъ.

Разказалъ Иванъ-царевичъ, зачѣмъ пришелъ, а она говоритъ:

— Нѣтъ здѣсь твоей матери. Иди въ хрустальное царство. Тамъ ее и найдешь.

Дала она царевичу на прощаніе золотое яичко и тоже просила съ собой ее взять, какъ назадъ пойдеть. И такъ они другъ другу полюбились, что тутъ же кольцами помѣнялись. Потомъ простился Иванъ-царевичъ съ невѣстой и скорѣй въ хрустальное царство отправился.

Прибыль онъ въ хрустальное царство и только вошелъ во дворецъ, какъ мать увидаль. Обрадовался Иванъ-царевичъ, кинулся къ ней, а она не узнаеть его, прочь гонить:

— Уходи,—говорить,—скорѣй, человѣче, а то пропадешь! Каждый часъ Вихорь ко мнѣ летаетъ!

Сталь ей Иванъ-царевичъ рассказывать, какъ онъ съ братьями ее искать поѣхаль. Тутъ только его мать узнала, обняла, заплакала и говорить:

— Дитятко ты мое родимое! Не ждала я такого счастья! Много здѣсь богатства: и серебра, и золота, и камней самоцвѣтныхъ, а ничему душа не радуется: извела меня тоска по отцѣ твоємъ, да по дѣткамъ моимъ. А ты, сынокъ, теперь садись ко мнѣ подъ кресло: сейчасъ Вихорь прилетитъ. Станетъ онъ меня допрашивать, отчего русскимъ духомъ пахнетъ. Я ему ничего не скажу, а онъ все будетъ отвѣта просить и на колѣни упадетъ. А ты не зѣвай,—схвати его за палицу, да покрѣпче. Тутъ онъ полетитъ и будетъ съ тобой вверху и внизъ кидаться и просить, чтобъ ты палицу отдашь, а ты все держись крѣпче. И взовется онъ съ тобой въ поднебесье, а потомъ на землю бросится и въ куски разобьется. Ты всѣ куски собери, сожги и пепель въ землю зарой, а потомъ съ палицей ко мнѣ вернись.

Только спрятался Иванъ-царевичъ, какъ Вихорь прилетѣлъ. Запомнилъ царевичъ матушкины рѣчи и все сдѣлалъ, какъ по писанному; не выпустилъ онъ палицы изъ крѣпкихъ рукъ, а какъ Вихорь на куски разсыпался, куски сжегъ и пепель въ землю зарылъ, а съ палицей къ матери вернулся.

Пошли они изъ хрустальнаго царства; по дорогѣ заходили въ золотое и серебряное; освободилъ Иванъ-царевичъ обѣихъ дѣвицъ, а львовъ и тигровъ выпустилъ.

Вотъ пришли они съ царевнами къ тому мѣсту, гдѣ Иванъ-царевичъ на гору влѣзалъ и остановились. Какъ на землю спуститься? Загоревала царица и Иванъ-царевичъ призадумался. А царевны говорятъ:

— Не найдется-ли въ яичкахъ холста?

Повертѣли яички, открыли и давай холстъ вытягивать: вышло холста видимо-невидимо. Сшили его и серебряную царевну на немъ съ горы спустили. Подняли холстъ на гору, глядь, а на немъ братья на-

писали, что внизу дожидаются. Спустили золотую царевну, а потомъ и царицу. Только она на землю спустилась, какъ царевичи холстъ отрѣзали и въ обратный путь собрались. А матери велѣли царю сказать, что не Иванъ-царевичъ ее освободилъ, а старшіе сыновья.

Собрался Иванъ-царевичъ спускаться, потянулъ холстъ, видитъ—отрѣзали. Закручинился онъ и пошелъ назадъ въ хрустальное царство. Пришелъ во дворецъ, сѣлъ на мѣсто матери и давай отъ скуки палицу изъ одной руки въ другую перебрасывать. Вдругъ что-то зашумѣло и всталъ передъ нимъ Вихорь:

— Что тебѣ нужно, Иванъ-царевичъ?

— Да что?—говорить царевичъ,—какъ мнѣ теперь на землю сойти? Хоть вѣкъ здѣсь вѣковать.

Только онъ это вымолвилъ, какъ Вихорь мигомъ его подхватилъ и на землю перенесъ.

Пошелъ царевичъ домой. Идетъ, не торопится, тяжкую думу думаетъ. Встрѣчается ему сапожникъ.

Говоритъ ему Иванъ-царевичъ:

— Дядя, а дядя! Возьми меня въ работники.

— Что ты, братецъ!—говоритъ сапожникъ. Развѣ я хозяинъ? Что заработаю, едва кормиться хватаетъ. Гдѣ ужъ мнѣ работниковъ держать. Вотъ я какой богачъ!

— Ничего,—отвѣчаетъ царевичъ,—возьми, дядя! Я безъ жалованья пойду.

Сталъ Иванъ-царевичъ жить у сапожника.—Работаетъ такъ, что хозяинъ только дивится. Шьетъ такіе башмаки, какіе на Золотой горѣ видѣлъ; покупаютъ ихъ у сапожника нарасхватъ. А царевичу-то волшебная палица помогала.

Началъ народъ о сапожникѣ поговаривать; дошелъ слухъ и до царицы (она къ тому времени ужъ домой вернулась.) Велѣла она позвать сапожника и заказала ему 12 паръ башмаковъ въ одну ночь приготовить.

Пришелъ сапожникъ домой и сидитъ хмурый, ни на кого не глядитъ.

— Что ты, хозяинъ, пригорюнился?—спрашиваетъ Иванъ-царевичъ.

— Какъ мнѣ не горевать?—говоритъ сапожникъ.— Велѣла мнѣ царица 12 паръ башмаковъ къ утру приготовить, а мнѣ и пары-то такихъ въ недѣлю не сдѣлать!

— Полно, хозяинъ,—говоритъ царевичъ.— Помолись-ка Богу, да ложись спать: утро вечера мудренѣе.

Вышелъ онъ на дворъ, перебросилъ палицу изъ руки въ руку и сказалъ, чтобы были готовы 12 паръ башмаковъ.

Утромъ отдалъ онъ хозяину готовые башмаки, а тотъ, веселый, пошелъ во дворецъ заказъ отдавать.

Посмотрѣла царица на башмаки, потомъ на сапожника и спрашиваетъ:

— Самъ ты работаль?

— Самъ, да еще работникъ помогаль.

Подумала царица.

— Ну,—говорить,—сшей ты мнѣ къ завтрашнему дню 12 паръ платьевъ.

Испугался сапожникъ.—Помилуйте,—говорить,—какъ я сошью? Я вѣдь сапожникъ, а портняжнаго ремесла не знаю!

— Не разговаривать! Чтобъ къ утру были платья готовы!

Совсѣмъ опечалился сапожникъ. «Ну,—думаетъ,—пропала моя головушка! Теперь ужъ никто не поможетъ.» Припелся онъ домой и все работнику разсказаль. Опять его утѣшилъ Иванъ-царевичъ и спать послаль. Утромъ проснулся сапожникъ, а платья готовы, да такія, что глазъ не отведешь.

Обрадовался сапожникъ, понесъ заказъ, а царица только поглядѣла на платья и новый приказъ отдаеть: въ одну ночь противъ дворца церковь выстроить, а къ ней чтобы хрустальный мостъ шель, весь бархатомъ устланный.

И тутъ выручилъ сапожника Иванъ-царевичъ: выросла въ одну ночь церковь всѣмъ на диво и къ ней мостъ хрустальный, бархатомъ устланный. А утромъ послаль царевичъ хозяина вколотить послѣдніе гвоздики.

Видить царица, что ничего ей такъ не добиться, хоть и ясно, что дѣло не проста. И приказала она сапожнику работника къ ней прислать.

Пришелъ Иванъ-царевичъ во дворецъ, провели его къ царицѣ. А у той какъ разъ царевна изъ золотого царства сидѣла; съ ней уже старшій братъ, Димитрій-царевичъ, помолвленъ былъ. Увидала она Ивана-царевича, кинулась ему на шею:

— Вотъ онъ,—говорить,—мой настоящей женихъ!

Тутъ сразу все и открылось: всѣ хитрости старшихъ царевичей на свѣтъ вышли. Разгнѣвался на нихъ отецъ и прогналь изъ своего царства. А Иванъ-царевичъ на своей невѣстѣ женился и зажили они припѣваючи.

Два брата.

(НАРОДНАЯ ЛЕГЕНДА.)

Жили-были въ одной деревнѣ два брата, Иванъ да Ѳедоръ. У Ѳедора всего было много, и земли и лошадей,—богато жилъ. А у Ивана куска хлѣба лишняго не найти и даже лошаденки завести не на что. Какъ придетъ время пахать, такъ и ступай къ сосѣдямъ, лошади просить. Вотъ разъ, около Егорьева дня, взялъ Иванъ у сосѣда кляченку и поѣхалъ свою полосу пахать. Къ брату онъ за лошадыю и соваться не думалъ,—все равно, не далъ бы Ѳедоръ: скупость его одолѣла. Сталъ Иванъ пахать и не успѣлъ еще полъ-загона пройти, какъ попался ему подъ соху камень, какого онъ отъ роду не видывалъ: весь ясный, какъ солнышко, и разноцвѣтными огнями переливается. Подивился на него Иванъ и спряталъ. «Вернусь домой,—думаетъ,—отдамъ ребятишкамъ; пусть поиграютъ». Пахалъ, пахалъ Иванъ; видитъ, ужъ вечеръ наступилъ, смеркалось, и поѣхалъ домой. Лошадь къ сосѣду отвелъ и пошелъ въ свою избу. Только сталъ онъ кафтанъ снимать, камень то выпалъ и покатился по полу: такъ вся изба и освѣтилась.

— Это что жъ такое?—спрашиваетъ Ивана хозяйка.

— Да что!—отвѣчаетъ Иванъ. — Мнѣ камень на пашнѣ попался. Вотъ я и принесъ ребятишкамъ. Можетъ, поиграютъ.

Взяла Иванова жена камень, посмотрѣла и говорить:

— Ну и диво! Нѣтъ, не для ребятишекъ такая штука. Ты лучше снеси барину: можетъ, дастъ что-нибудь. У насъ же и хлѣбъ весь вышелъ, а денегъ гроша нѣтъ.

Послушался Иванъ, спряталъ камень и на другой день къ барину понесъ.

Баринъ былъ богатый и большой затѣйникъ: музыкантовъ своихъ держалъ, дворни видимо-невидимо, лошадей на конюшнѣ сколько, а собакъ до сотни. Насилу добрался до «самого» Иванъ.

Наконецъ вышелъ помѣщикъ.

— Ну,—спрашиваетъ,—чего тебѣ?

— Да вотъ,—говоритъ Иванъ,—камень принесъ. Не погодится ли?

— Покажи-ка.

Показалъ Иванъ камень,—глаза у барина разгорѣлись.

— Сколько,—говоритъ,—ты за него хочешь?

— Да я и самъ не знаю. Сколько пожалуете. Все пригодится.

— А тебѣ-то сколько бы хотѣлось? У тебя въ чемъ нужда?

Удивился Иванъ.

— Мало-ли въ чемъ,—говоритъ,—у меня нужда! И хлѣба нѣту, и лошаденки: какъ пашня, такъ и ступай у людей просить. Да и домишко-то мой весь развалился—того гляди, придавить.

— Ладно,—говоритъ баринъ,—все у тебя будетъ. А ты камень мнѣ оставь.

Обрадовался Иванъ. «Вотъ,—думаетъ,—заживу-то». Только пошелъ онъ домой и взяло его сомнѣніе: «шутить, вѣрно, баринъ. Больно ужъ чудно все выходить. Посмѣялся онъ надо мной».

Только на другой день проснулся Иванъ и увидалъ, что не шутилъ помѣщикъ. На разсвѣтъ еще цѣлый обозъ съ хлѣбомъ къ Ивану привезли, тройку лошадей изъ барскаго табуна пригнали, а тамъ, глядитъ, ужъ и лѣсъ везуть. Плотниковъ артель баринъ прислалъ.

Видитъ все это Ѳедоръ и ума не приложить: «Откуда Ивану такое счастье свалилось?» Самъ не свой отъ зависти сдѣлался. А у жены его и сонъ пропаль: все надъ тѣмъ же голову ломаетъ, а днемъ то и дѣло къ невѣсткѣ бѣгаетъ, выпрашиваетъ, чѣмъ такъ барину Иванъ полюбился, откуда имъ такая благодать.

А Иванова хозяйка себѣ на умѣ: молчитъ, ничего не выболтаетъ невѣсткѣ. А какъ та ужъ очень пристанетъ, скажетъ, чтобъ отвязаться:

— Богъ подалъ.

Вотъ, наконецъ, выстроили плотники Ивану домъ: не чета прежней избенкѣ—хоромы. Пришло время и новоселье справлять. Позвалъ Иванъ священниковъ—молебень отслужить, гостей, брата съ невѣсткой. А баринъ самъ въ гости къ Ивану назвался, навезъ угощенья и винъ разныхъ. Вышелъ пиръ на славу.

За столомъ гости подвыпили, развеселились, бесѣду завели. Только Ѳедорова жена и тутъ покоя не знаетъ, все невѣстку допрашиваетъ, откуда къ нимъ богатство пришло. Наскучила она Ивановой хозяйкѣ. «Ну,—думаетъ,—скажу тебѣ сказку—отвяжешься».

— Ну,—говоритъ,—слушай, невѣстуха: расскажу я тебѣ, какъ къ намъ счастье пришло, за что баринъ Ивана полюбилъ. Ты вѣдь знаешь, затѣйникъ онъ у насъ, ни въ чемъ себѣ удержу не знаетъ, ишь, музыку дома завелъ. Вотъ и выдумалъ онъ особый барабанъ сдѣлать, человѣчьей кожей его обтянуть. Кожи-то не хватило, вотъ я и дала изъ спины лоскутокъ вырѣзать.

За это и наградила насъ баринь. Только кожи-то все не хватаетъ: еще немного надо.

Услыхала это Ѳедорова жена, точно съ ума сошла, вскочила съ мѣста и мужа силой домой утащила.

— Иди,—говорить, скорѣе! Иди же, дуракъ этакій! Вотъ какъ люди деньги наживаютъ, не то, что ты!— Все она мужу дорогой рассказала, что отъ невѣстки слышала, а домой пришла, и опомниться не дала, сунула въ руки ножъ:

— Выкраивай!—кричить,—что-жъ ты стоишь?

Ну, дѣлать нечего, вырѣзаль у нея Ѳедоръ кусокъ кожи и на другой день къ барину понесъ. Дождался онъ барина, а тотъ, какъ увидѣлъ, что принесли, изъ себя вышелъ: какъ затопаеть, какъ закричить: «Что это? Зачѣмъ?» И велѣлъ Ѳедора палками со двора прогнать.

Овца, лиса и волкъ.

У мужика изъ стада бѣжала овца. Навстрѣчу ей попалась лиса и спрашиваетъ: «куда тебя, кумушка, Богъ несетъ?»—«О-ихъ, кума! была я у мужика въ стадѣ, да житья мнѣ не стало: гдѣ баранъ сдурить, а все я, овца, виновата! вотъ и вздумала я уйти, куда глаза глядятъ».—«И я тоже!» отвѣчала лиса: «гдѣ мужъ мой курочку словить, а все я, лиса, виновата. Побѣжимъ-ка вмѣстѣ». Черезъ нѣсколько времени повстрѣчался имъ волкъ. «Здорово, кума!»—«Здравствуй!» говоритъ лиса.—«Далеко ли бредешь?» Она въ отвѣтъ: «куда глаза глядятъ!»—да какъ рассказала про свое горе, волкъ и молвилъ: «И я также! гдѣ волчица зарѣжетъ ягненка, а все я, волкъ, виноватъ. Пойдемте-ка вмѣстѣ». Пошли. Дорогою волкъ и говоритъ овцѣ: «а что, овца, вѣдь на тебѣ тулупъ-то мой?» Лиса услышала и подхватила: «взаправду, кумъ, твой?—Вѣрно, мой!—Побожисься? — Побожусь! — Къ присягѣ пойдешь?—Пойду.—Ну, иди, цѣлуй присягу». Тутъ лиса смѣтила, что мужики на тропинкѣ поставили капканъ; она подвела волка къ самому капкану и говоритъ: «ну, вотъ здѣсь цѣлуй!» Только что сунулся волкъ сдуру—а капканъ щелкнулъ и ухватилъ его за морду. Лиса съ овцой тутъ и убѣжали отъ него по добру, по здорову.

Птенецъ—Соломенный дворецъ.

(С К А З К А.)

Жили-были старикъ со старухой. Была у нихъ лошадь, корова и три овцы.

Разъ пришелъ къ нимъ на дворъ волкъ и кричить:

Ты птенецъ, ты птенецъ,
Ты соломенный дворецъ!
У тебя-ли, у птенца,
Лошадь, корова, три овцы.
Выкини овечку!

Старикъ со страху выкинулъ одну овцу. Волкъ съѣлъ и ушелъ. А на другой день опять приходитъ и кричить:

Ты птенецъ, ты птенецъ,
Ты соломенный дворецъ!
У тебя-ли, у птенца,
Лошадь, корова, двѣ овцы.
Выкини овечку!

— Нѣтъ, говорить старикъ, не выкину.

— А не выкинешь, такъ я и тебя съѣмъ.

Старикъ испугался, выкинулъ другую овцу. Волкъ съѣлъ и ушелъ въ лѣсъ.

На другой день опять пришелъ волкъ на дворъ и кричить:

Ты птенецъ, ты птенецъ,
Ты соломенный дворецъ!
У тебя-ли, у птенца,
Лошадь, корова да овца.
Выкини овечку!

— Нѣтъ, не выкину!

— Выкини, а то и тебя съѣмь!

Старуха перепугалась, говорить мужу: «Выкинь, старикъ, худо будетъ!» Старикъ и бросилъ послѣднюю овцу. Волкъ утащилъ ее въ лѣсъ, а на утро опять приходитъ и кричить:

Ты птенецъ, ты птенецъ,
Ты соломенный дворецъ!
У тебя-ли, у птенца,
Есть корова, да лошадь.
Выкинь мнѣ лошадку!

— Не выкину,—говорить старикъ.

— А не выкинешь, тебя самого съѣмь!

— Не выкину и не выкину.

Полѣзъ было волкъ за старикомъ, да тотъ перепугался и выкинулъ ему лошадь. Съѣлъ ее волкъ, а на утро опять приходитъ и кричить:

Ты птенецъ, ты птенецъ,
Ты соломенный дворецъ!
У тебя-ли, у птенца,
Есть корова хороша.
Выкинь мнѣ корову!

Не знаетъ старикъ, что дѣлать: и корову жалко и волка боится. «Кидать, старуха, аль нѣтъ?»—«Кидай»—говорить старуха, «хуже будетъ». Старикъ и выкинулъ корову.

На другой день опять пришелъ волкъ и закричалъ:

Ты птенецъ, ты птенецъ,
Ты соломенный дворецъ!
У тебя-ли, у птенца,
Есть старуха хороша.
Выкинь мнѣ старуху!

— Ну нѣтъ,—говорить старикъ.—Не брошу я тебѣ своей хозяйки!

— А! Не бросишь!

Полѣзъ волкъ за старухой. Старики перепугались, закричали и въ трубу отъ него запрятались. Да не тутъ-то было! Вбѣжалъ волкъ въ избу и полѣзъ въ трубу. Лѣзъ онъ, лѣзъ, ужъ недалеко ему было до старухи, какъ въ трубѣ кирпичики вывалились оттого, что онъ царапался по нимъ когтями. Оборвался волкъ, упалъ, ударился о шестокъ,—тутъ ему и конецъ пришелъ. А старикъ со старухой вылѣзли изъ трубы и стали жить да поживать да добра наживать. Скоро опять нажили они овечекъ, коровушку и лошадку.

Лисичка и зайчикъ.

(С К А З К А).

Жили-были лисичка и зайчикъ.
У лисички былъ домъ ледяной, а у
зайчика лубяной.

Пришла весна-красна;
растаялъ лисичкинъ домъ.
Куда лисѣ дѣться? Вотъ
приходитъ она къ зайчику и
говорить:

— Куманекъ, а кума-
некъ! Пусти переночевать!

— Да у меня изба тѣсна.

— Ничего, куманекъ: я
хоть на лавочкѣ лягу.

— Ну, ночуй.

Приходитъ другая ночь, лиса опять
просится:

— Пусти, куманекъ, переночевать.

— Кума, у меня изба тѣсна.

— Да я хоть на порожекѣ лягу.

— Ну ужъ ночуй.

Переночевала лиса у зайчика. А какъ пришла
третья ночь, она и выгнала его изъ дому.

Сѣлъ зайничка подѣ елочку и плачетъ:

Куда зайничкѣ дѣваться?
Соломкой закрыться,
Сѣнцомъ позатруситься?

Шель мимо волкъ, увидалъ зайнькины слезы:

— О чемъ ты, зайчикъ, плачешь?

— Какъ мнѣ не плакать, не горевать? У лисички былъ домъ ледяной, а у меня лубяной. Пришла весна-красна, растаялъ лисичкинъ домъ. Она пришла и выгнала меня.

— Пойдемъ, зайчикъ, я ее выгоню.

Пришли къ зайкиному дому. Волкъ какъ закричитъ:

— Лиса! вонъ пошла!

А она оттуда:

— Погоди-ка, я косарикъ-то возьму, да тебѣ голову ссѣку!

Испугались волкъ съ зайцемъ, пошли назадъ. Зайчикъ сѣлъ подъ елочку и заплакалъ:

Куда зайнкѣ дѣваться?

Соломкой закрыться,

Сѣнцомъ позатруситься?

Шель мимо медвѣдь, увидалъ зайкины слезы, спрашиваетъ:

— О чемъ ты, зайчикъ, плачешь?

— Какъ мнѣ не плакать, не горевать? У лисички былъ домъ ледяной, а у меня лубяной. Пришла весна-красна, растаялъ у лисы домъ. Она пришла и выгнала меня.

— Пойдемъ, я ее самое выгоню.

— Ой, пострашнѣй тебя выгоняли, да не могли выгнать.

— Пойдемъ, говорю!

— Да ну ужъ, пойдемъ.

Пришли они къ зайкиному дому. Медвѣдь зарычалъ:

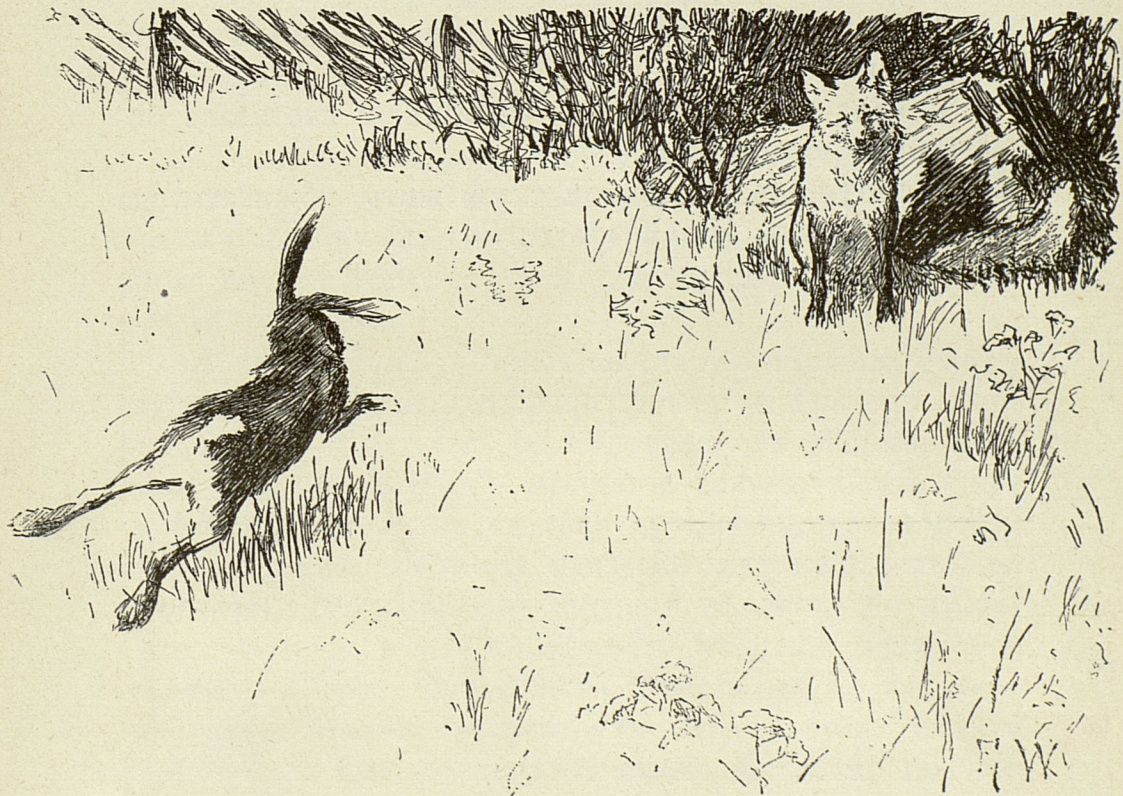
— Лиса! вонъ пошла! Топоръ за поясомъ!

А она оттуда:

— Погоди-ка, я сама топорикъ возьму, да тебѣ голову срублю!

Медвѣдь испугался, побѣжалъ и ногу сломалъ. А зайчикъ сѣлъ подь елочку и опять заплакалъ:

Куда зайнѣкъ дѣваться?
Соломкой закрыться,
Сѣнцомъ позатруситься?

Идетъ мимо пѣтушокъ:

— Кукуреку! О чемъ ты, зайчикъ, плачешь?

— Какъ мнѣ не плакать, не горевать? У лисички былъ домъ ледяной, а у меня лубяной. Пришла весна-красна, у лисы домъ и растаялъ. Она пришла, да и выгнала меня.

— Такъ пойдемъ, я ее самъ выгоню!

— Ой, нѣтъ! Пострашнѣй тебя выгоняли, да не могли выгнать!

— Пойдемъ, я-то выгоню!

— Ну, пойдемъ.

Пришли къ зайкиному дому. Пѣтухъ какъ захлопаетъ крыльями, какъ закричить:

— Лиса, вонъ пошла! Топоръ за поясомъ, косы до полу!

— Погодите, я кафтанчикъ одѣну, да пирожки изъ печки выну.

А сама только схватила кафтанъ и пустилась бѣжать, а пироги забыла.

А пѣтушокъ съ зайкой стали жить, поживать, да добра наживать. И сейчасъ живутъ да хлѣбъ жуютъ.

Какъ лисичка дѣвушку-Снѣгурушку изъ бѣды выручила.

(С К А З К А.)

Сказка про лисичку-сестричку, рыженькую шубку, острый носъ, пушистый хвостъ, какъ доставалось отъ нея и старому и малому. Сказка-складка, не всякому слову въ ней вѣрь: а иной разъ бываетъ, что и уму-разуму научаешь.

Жилъ да былъ старикъ со старухой и была у нихъ внучка Снѣгурушка. Любили они ее и берегли пуще глазу. Разъ собрались ея подружки въ лѣсъ за ягодами и за ней пришли, съ собой зовутъ. Стала Снѣгурушка у стариковъ въ лѣсъ проситься, тѣ ее отпустили, только настрого наказали отъ подружекъ не отставать. Вотъ пришли дѣвушки въ лѣсъ, по кустикамъ бродятъ, ягоды собираютъ. Ходили, ходили — и потеряла подругъ Снѣгурушка. Искали онѣ ее, искали — не нашли; аукали, аукали, — не откликается. А тутъ ужъ вечеръ близко, темнѣть стало. Страшно показалось въ лѣсу дѣвушкамъ, погоревали онѣ и пошли домой. А Снѣгурушка спохватилась, стала подружекъ искать, да не могла дозваться: догадалась она, что онѣ домой ушли, а она одна въ лѣсу осталась, заплакала горько, влѣзла со страху на дерево, сидитъ тамъ, плачетъ и приговариваетъ:

«Ау, ау, Снѣгурушка! Ау, ау, голубушка! У дѣдушки, у бабушки была внучка Снѣгурушка; подружки ее въ лѣсъ заманили, заманивши, покинули!..

Шелъ мимо медвѣдь, услышалъ плачь и спрашиваетъ:

— О чемъ ты, дѣвушка, горюешь! о чемъ плачешь?

— Какъ мнѣ не плакать, Медвѣдюшка? Одна я у дѣдушки съ бабушкой внучка Снѣгурушка, подружки меня въ лѣсъ заманили, да здѣсь и покинули.

— Такъ слѣзай ко мнѣ: я тебя домой снесу.

— Ой нѣтъ, боюсь: ты меня съѣшь.

Постоялъ, постоялъ медвѣдь у дерева и пошелъ дальше. А она опять стала плакать, да приговаривать: «Ау, ау, Снѣгурушка!.. Ау, ау, голубушка! У дѣдушки, у бабушки была внучка Снѣгурушка; подружки ее въ лѣсъ заманили, заманивши покинули!»

Шелъ мимо волкъ сѣрый, услышалъ, что кто-то плачетъ, остановился, увидѣлъ Снѣгурушку и спрашиваетъ:

— О чемъ это ты, дѣвушка, плачешь, заливаешься?

Разказала ему Снѣгурушка свое горе, онъ и говоритъ: «Сойди ко мнѣ, я тебя домой снесу». Посмотрѣла она на волка сѣраго, да на зубы его страшные и побоялась съ дерева слѣзть. «Нѣтъ,—говоритъ,— боюсь: ты меня съѣшь». Волкъ постоялъ, постоялъ подъ деревомъ и ушелъ отъ нея. А Снѣгурушка еще пуще заплакала, запричитала:

«Ау, ау, Снѣгурушка!.. Ау, ау, голубушка!.. У дѣдушки, у бабушки одна была внучка Снѣгурушка; подружки ее въ лѣсъ заманили, заманивши, покинули!»

Шла мимо лиса, услышала плачь, увидала Снѣгурушку и спрашиваетъ ласково: «О чемъ ты, милая дѣвушка, плачешь?» Разказала ей Снѣгурушка свою бѣду, лиса и говоритъ: Сойди ко мнѣ, голубушка, я тебя домой снесу». Поглядѣла Снѣгурушка на лису, на ея глаза умилные, видитъ: не страшно. Сошла съ дерева и сѣла лисѣ на спину.

Побѣжала лиса въ деревню со Снѣгурушкой на

спинѣ, нашла избу стариковъ и давай хвостомъ въ ворота стучать: «Тукъ, тукъ!» Перепугались старики. «Кто тамъ?»— «Я, лисичка. Принесла вамъ изъ лѣсу внучку Снѣгурушку». Бросились къ Снѣгурушкѣ дѣдъ съ бабушкой, обнимають, отъ радости слова не могутъ вымолвить. Потомъ лису благодарить стали, не знаютъ, чѣмъ ее попотчевать, какъ угодить. Молока, творогу, яицъ принесли, упрашиваютъ: «Покушай, лисичка, голубушка!» Лиса отъ всего отказалась, попросила одну курочку подарить. Дали ей старики бѣлую курочку и пошли ее до лѣсу проводить. А лиса, не будь глупа, постаралась за Снѣгурушку побольше получить. Просила-то она у стариковъ всего одну курочку, да зато все повысмотрѣла и дорогу въ курятникъ хорошо запомнила. Въ первую же ночь забралась къ старикамъ на дворъ и еще курочку стащила, а потомъ давай каждый разъ угощаться. Старикъ ума не приложитъ: все заперто, а въ курятникѣ, что ни утро, еще курицы не хватаетъ. Только разъ всталъ онъ рано-рано, на разсвѣтѣ, вышелъ на дворъ и увидалъ, какъ лиса изъ курятника юркнула съ курочкой въ зубахъ. «Такъ вотъ оно что!—сказалъ старикъ,—ну, теперь, если ты мнѣ, кумушка, попадешься, такъ и за Снѣгурушку не помилую!»

Катя и ягода-земляничка.

(С К А З К А).

Жилъ былъ старикъ со старухой. Было у нихъ четверо дѣтей: одинъ сынъ и три дочери. Сына звали Васей, а дочерей Дуней, Машей и Катей.

Разъ старикъ и говоритъ дочерямъ: «Ступайте-ка въ лѣсъ за ягодами. Кто изъ васъ цѣлую корзину наберетъ, той куплю золотое яйцо».

Пошли сестры въ лѣсъ. По дорогѣ Дуня съ Машей зашли въ кустики въ карты поиграть, а Катя одна за ягодами отправилась. Вотъ набрала она цѣлую корзину и пошла за сестрами.

Увидѣли Дуня съ Машей Катину корзину и зависть ихъ взяла. Задумали онѣ злое дѣло. Уманили сестру опять въ лѣсъ, уложили отдыхать. Катя заснула, а сестры ее, спящую, убили и ягоды себѣ взяли.

Приходятъ онѣ домой, а тамъ спрашиваютъ: «гдѣ Катя?» — «Въ лѣсу, — говорятъ, — осталась, корзину добирать».

Вотъ ужъ дѣло къ вечеру, а Кати все нѣтъ. Ждали, ждали отецъ съ матерью, въ лѣсъ искать ходили — пропала Катя!

А въ лѣсу на Катиной могилкѣ выросла камышинка. Шли странники, срѣзали ее и сдѣлали дудку. Стали они на этой дудкѣ играть, а дудка поетъ человѣческимъ голосомъ, выговариваетъ:

Вы, прохожіе, поиграйте,
Вы меня-то пожалѣйте:

Ужъ какъ двѣ сестры меня убили,
 Подъ бѣлой березкой схоронили,
 Что листочкомъ-то, берестечкомъ покрыли,
 Желтенькимъ песочкомъ завалили,
 Все за ягодку, за земляничку.

Подивились прохожіе и пошли дальше, а дудку съ собой взяли. Вотъ пришли они къ Катиному отцу и дали ему дудку. «Поиграй»—говорять,—«дѣдушка».

Сталъ старикъ играть, а дудка человѣчьимъ голосомъ выговариваетъ:

Ужъ ты, тятя, поиграй-ка,
 Ты меня-то пожалѣй-ка.
 Ужъ какъ двѣ сестры меня убили,
 Подъ бѣлой березкой схоронили,
 Что листочкомъ-то, берестечкомъ покрыли,
 Желтенькимъ песочкомъ завалили,
 Все за ягодку, за земляничку.

Старикъ какъ услышалъ, такъ и упалъ. Взяла старуха дудку, стала играть, а дудка и у нея выговариваетъ:

Ужъ ты, маменька, поиграй-ка,
 Ты меня-то пожалѣй-ка.
 Ужъ какъ двѣ сестры меня убили,
 Подъ бѣлой березкой схоронили,
 Что листочкомъ-то, берестечкомъ покрыли,
 Желтенькимъ песочкомъ завалили,
 Все за ягодку, за земляничку.

Взялъ у старухи дудку братецъ Вася, играетъ, а она выговариваетъ:

Ужъ ты, братецъ, поиграй-ка,
 Ты меня-то пожалѣй-ка.
 Ужъ какъ двѣ сестры меня убили,
 Подъ бѣлой березкой схоронили,
 Что листочкомъ-то, берестечкомъ покрыли,
 Желтенькимъ песочкомъ завалили,
 Все за ягодку, за земляничку.

Тутъ и говорить старикъ: «теперь ты, Дуня, поиграй». А Дуня лежитъ на печи, ни жива, ни мертва, и играть не хочетъ. Старикъ какъ закричитъ: «Слѣзай, Дунька, а то за волосы стащу!» Вотъ она слѣзла съ печи, взяла дудку, играетъ, а та выговариваетъ:

Ужъ ты, Дуня, поиграй-ка,
Ты меня-то пожалѣй-ка.
Ужъ какъ вы меня съ Машей убили,
Подъ бѣлой березкой схоронили,
Что листочкомъ-то, берестечкомъ покрыли,
Желтенькимъ песочкомъ завалили,
Все за ягодку, за земляничку.

Тутъ сталъ отецъ заставлятъ Машу играть. Взяла она дудку, играетъ, а та выговариваетъ:

Ужъ ты, Маша, поиграй-ка,
Ты меня-то пожалѣй-ка.
Ужъ какъ вы меня съ Дуней убили,
Подъ бѣлой березкой схоронили,
Что листочкомъ-то, берестечкомъ покрыли,
Желтенькимъ песочкомъ завалили,
Все за ягодку, за земляничку.

Выслушалъ это старикъ, ни слова не вымолвилъ, принесъ березу и давай дочерей хлестать. Хлесталъ, хлесталъ, не захлесталъ до смерти; привязалъ къ воротамъ, застрѣлилъ, да тамъ и оставилъ. Ъхали мимо съ возами, зацѣпились за нихъ и уронили. Стали по деревнѣ ходить да спрашивать: «не ваши ли? не ваши ли?» Всѣ говорятъ: «нѣтъ, не наши». Пришли къ старику, и онъ сказалъ: «не наши».

Жена-упрямица.

(С К А З К А.)

Жили-были мужикъ съ бабой. И была эта баба такая злая, да сварливая, что мужъ просто не зналъ, какъ съ ней справиться. Что онъ ни скажетъ, жена все ему на зло сдѣлаетъ. Вотъ разъ захотѣлось мужику надъ ней подшутить, онъ и говоритъ: «Знаешь что, жена! Ты не вздумай сегодня пироговъ напечь.— А вотъ же напеку! — А напечешь, такъ хоть мнѣ въ поле ихъ не носи.—Вотъ напеку же и принесу! — Ну, такъ когда понесешь, черезъ мостъ не ходи.— Вотъ увидишь, что пойду!—Пойдешь, такъ не вздумай камней за пазуху наложить.— Вотъ нарочно наложу! — Такъ хоть ужъ въ воду-то съ моста не смѣй прыгать!— А вотъ прыгну же! на зло тебѣ прыгну!» И вправду, пошла баба въ поле и нарочно съ моста въ воду спрыгнула. Такъ и утонула бы, да мужъ вытащить успѣлъ.

Сидитъ разъ баба въ избѣ, въ окно смотритъ. Видитъ—идутъ гуси: «Полюбуйся-ка—говоритъ,—муженекъ, на нашихъ гусей: какіе славные!» А у нихъ и гусей-то не было. «Что ты, жена?—говоритъ мужикъ,—барскихъ гусей нашими называешь! — Наши гуси!—Да что ты! Вѣдь барскіе!—Анъ наши, наши! Ты мнѣ всегда радъ назло сдѣлать! Не буду съ тобой жить, сейчасъ умру!» Повалилась баба со злости на полъ и кричитъ: «Умираю!»—Да опомнись ты, перестань!—А чьи гуси?—

Барскіе. — А, барскіе! Когда такъ, умираю, совсѣмъ умираю! Умерла—клади меня на столъ, готовъ гробъ!» Захотѣлось мужику посмотрѣть, до чего жена дойдетъ, послушался онъ, положилъ ее на столъ, а самъ сдѣлалъ изъ досокъ ящикъ, принесъ его и говоритъ: «Ну, гробъ готовъ!»—А чьи гуси?—Извѣстно, барскіе.—Клади меня въ гробъ!» Положилъ мужикъ бабу въ ящикъ и говоритъ: «Ну, жена, сейчасъ крышку наложу. — А чьи гуси? — Да барскіе-же. — Заколочивай». Закрылъ мужикъ ящикъ, вбилъ два гвоздика. «Теперь,—говоритъ,—хоронить надо.—Чьи гуси?—Барскіе.—Вези на кладбище». Повезъ мужикъ ящикъ къ ямамъ, гдѣ глину копали. «Слушай, жена, сейчасъ въ землю опущу. — А чьи гуси?—Барскіе.—Опускай!» Спустилъ мужикъ ящикъ, наклонился надъ ямой: «Прощай, жена, не поминай лихомъ! пора засыпать». А баба шепчетъ: Чьи гуси?—Барскіе.—Такъ засыпай!—Мужикъ понабросалъ глины и уѣхалъ. «Надо,—думаетъ,—бабу проучить».

Наступила ночь, сталъ бабу холодъ пробирать. А тутъ еще въ лѣсу волки завыли. Мерзнетъ баба, отъ страха дрожить, а все шепчетъ: «Не поддамся я тебѣ! Сказано: мои гуси!» И совсѣмъ бы замерзла, да мужъ вернулся и ее изъ ямы вытащилъ. Вотъ до чего упряма была!

Разъ шли они съ мужемъ по лѣсу и увидалъ мужикъ кустъ малины. «Моя,—говоритъ,—малина, я ее первый увидалъ!—Нѣтъ, моя!» Кинулась баба къ малинѣ,—а за кустомъ-то была бездонная яма, гдѣ черти жили,—не разглядѣла, да и провалилась въ преисподнюю.

Плохо пришлось мужику безъ бабы. Работы дома много, да и съ дѣтьми хлопочи,—не можетъ управиться. Задумалъ онъ какъ-нибудь свою бабу выручить. Набралъ онъ разныхъ обрывковъ, да веревокъ, связалъ канатъ длинный-предлинный, пошелъ съ нимъ къ ямѣ, спустилъ

туда конецъ и ждетъ. Глядь, веревка что-то потяжелѣла. Вытащилъ онъ ее и видитъ—прицѣпился къ концу маленькѣй чертенокъ. Какъ запищитъ тоненькимъ голоскомъ: «Голубчикъ, дяденька, кидай поскорѣе веревку, тамъ самъ нашъ лысый дѣдушка ждетъ, не дождется. Бѣда намъ совсѣмъ отъ твоей бабы: какъ ввалилась—всѣхъ избилъ да изругала, а дѣдушкѣ чуть бороду не выдергала!—Какъ-же!—говоритъ мужикъ,—стану я вашего стараго выручать! Такъ вамъ и надо, окаяннымъ!» Бросилъ чертенокъ мужику въ ноги, молить лысаго дѣдушку выручить: «безъ него,—говоритъ,—и мы всѣ сгинемъ».

Мужикъ подумаль-подумаль: «Ладно,—говоритъ,—это дѣло можно справить». Спустилъ онъ опять веревку въ яму и кричитъ: «Эй, жена!—Тебѣ что?—Я въ яму веревку спустилъ, такъ къ ней подойти не вздумай.—Вотъ подойду-же!—А подойдешь, смотри, за конецъ не хватайся!—А ухвачусь.—Ну, коли ухватишься, такъ хоть лысаго дѣдушку за бороду не бери и съ собой наверхъ не тащи!—А вотъ ухвачу, ухвачу и вытащу!» Потянулъ мужикъ веревку—тяжело; чертенокъ помогать сталъ, вытащили наверхъ, видятъ: баба за конецъ уцѣпилась и дѣдушку лысаго за бороду держитъ.

А мужикъ себѣ на умѣ и говоритъ женѣ: «Пусти ты лысаго дѣдушку.—Не пущу!—Такъ хоть по лысинѣ то его не бей.—Вотъ нарочно бить буду!» И начала бѣднаго чорта по лысинѣ хлопать, да за бороду таскать, только голова мотается. Кричитъ лысый дѣдушка благимъ матомъ, а вырваться не можетъ. «Ну,—говоритъ мужикъ,—довольно съ тебя, будешь помнить». Да какъ закричитъ: «Вотъ славно, жена! Бей его, жалѣть нечего! Бей, не останавливайся!—А не стану бить!—Такъ хоть бороду-то не выпускай, да смотри, домой не уходи». Сразу бросила баба лысаго дѣдушку, повернулась и домой пошла.

— Что, лысый?—говорить мужикъ.—Выручилъ я тебя? Неужто ты это безъ награды оставишь?—Нѣтъ,—отвѣчаетъ лысый дѣдушка,—вотъ какая тебѣ награда будетъ. Стану я съ этимъ малышомъ, съ Анчуткой Безпятымъ, забираться въ дома къ богатымъ и шумъ поднимать. Не будетъ хозяевамъ покою. Вотъ ты и объяви себя чертогономъ, общайся за хорошую плату въ этой бѣдѣ помочь, а какъ придеши въ домъ, сейчасъ крикни: «Шилды, будылды, начеки, чекалды! Брысь!»—мы и убѣжимъ. Только вотъ тебѣ уговоръ: изъ перваго дома выгонишь, изъ втораго выгонишь, а къ третьему не суйся, не то тебѣ самому плохо будетъ».

Пришелъ мужикъ домой, живутъ себѣ они съ бабой попржнему. Только скоро начали кругомъ поговаривать, будто у богатаго подрядчика въ новомъ домѣ нечисть завелась. Шумъ, крикъ по всему дому несется, въ трубахъ вой слышится, съ полокъ, со столовъ все на полъ летитъ, изъ печей кирпичи прыгаютъ. Не знаетъ хозяинъ, что дѣлать. Услышалъ объ этомъ мужикъ и пошелъ къ подрядчику. «Что,—спрашиваетъ,—ваше степенство, дорого-ли вамъ этотъ домъ обошелся?—Да что и говорить! пятьдесятъ тысячъ, а теперь хоть не живи.—Ну,—говорить мужикъ,—я тебѣ его за тысячу очищу». Уговорился съ хозяиномъ. Вошелъ въ главную горницу, да какъ крикнетъ: «Шилды, будылды, начеки, чекалды! Брысь!» Въ ту же минуту все затихло, больше туда чѣрти и не подступались. А мужикъ получилъ тысячу рублей и зажилъ въ довольствѣ.

Немного времени прошло, опять слышно: у богатаго барина въ новыхъ хоромахъ черти проказить начали. Тутъ ужъ три тысячи мужикъ взялъ и опять прогналъ дѣдушку лысаго съ его Анчуткой. Пошло мужику не житье, а масляница: ходитъ въ новой поддевкѣ, въ сапогахъ со сборами, бабѣ шелковое платье

сшилъ, каждый день чай въ накладку пьютъ, а на дворѣ батраки съ батрачками суетятся.

Живеть себѣ мужикъ, радуется, какъ вдругъ пришла на него бѣда. Присылаютъ за нимъ отъ князя, велятъ торопиться, изъ княжихъ палатъ чертей гнать. Такое безобразіе они тамъ подняли, что на улицѣ слышно, ни минутки покоя не даютъ.

Помнить мужикъ зарокъ лысаго дѣдушки: не соглашается къ князю ѣхать. «Это,—говоритъ,—все напраслина, будто я чертогонъ. Всѣ знаютъ, что чертей гонять—бабѣ дѣло». А княжескій посланный ничего не слушаетъ, схватилъ его за воротъ, бросилъ въ повозку и привезъ. Велѣлъ князь мужику, какъ хочетъ, его хоромы очистить. «Освободишь,—говоритъ,—отъ нечисти,—десять тысячъ дамъ; не освободишь, туда упеку, куда Макаръ телятъ не гонялъ». Видитъ мужикъ: дѣлать нечего. Попросилъ дозволенія подумать: «тутъ,—говоритъ,—страшное дѣло, зарокъ есть».

Думалъ онъ, думалъ всю ночь, а на утро разорвалъ себѣ платье, лицо все расцарапалъ, волосы и бороду всклокочилъ,—и побѣжалъ къ княжескому дворцу. А тамъ черти такой шумъ, такое безобразіе подняли, что и описать нельзя. Вбѣжалъ мужикъ во дворецъ и кричитъ благимъ матомъ: «Батюшки, бѣда! Бѣгите, родимые, злая баба пришла!» Сейчасъ все стихло, только пыль по дорогѣ отъ чертей поднялась, какъ побѣжали.

Получилъ мужикъ отъ князя десять тысячъ и пошелъ по лучшимъ лавкамъ. Одѣлся во все барское платье, бороду сбрилъ, купилъ рысака да дрожки и поѣхалъ домой.

Ѣдетъ онъ бариномъ, глядь—черезъ мостъ ему навстрѣчу жена идетъ. «Здравствуй,—кричитъ,—жена! Полюбуйся-ка на меня! Хорошо борода-то обрита?—Гдѣ-жь обрита! и всего острижена.—Да что ты, вѣдь совсѣмъ обрилъ!—Анъ обстригъ!—Ну, посмотри сама,

брито!—Нѣтъ, стрижено!—Да вотъ попробуй, брито вѣдь.—Стрижено, стрижено! Хочу, чтобъ было стрижено! Нѣтъ, такъ сейчасъ съ моста въ воду брошусь!—Опомнись, Богъ съ тобой, видишь вѣдь, брито!» Какъ прыгнетъ баба въ воду. Сама тонетъ, а руку изъ воды высунула и двумя пальцами показываетъ: стрижено.

Ахнулъ мужикъ, соскочилъ съ дрожекъ и побѣжалъ опрометью вверхъ по рѣкѣ. Люди по дорогѣ спрашиваютъ: «Куда ты, землякъ, этакъ бѣжишь?—Ахъ, голубчики, бѣда-то какая! Жена съ моста въ рѣку упала!—Такъ куда жъ ты? Вѣдь ее водой внизъ понесло.—Нѣтъ,—говоритъ мужикъ,—тамъ ея не найти: моя баба всему наперекоръ шла, такъ ужъ вѣрнѣй ее противъ воды искать».

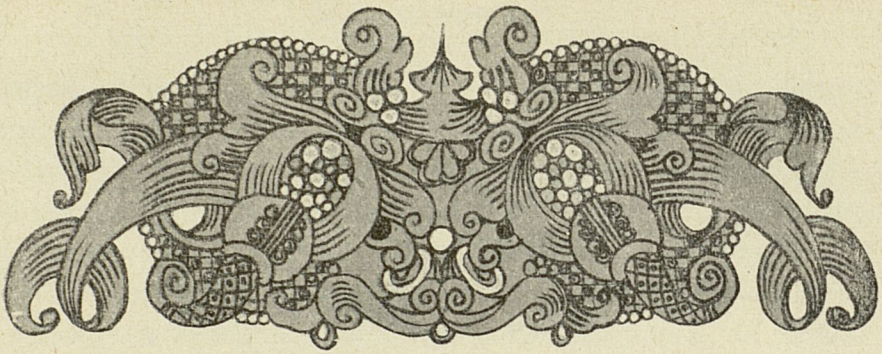
Только, какъ ни старались, какъ ни искали бабу, и противъ воды и по водѣ,—не нашли. Такъ и утонула упрямая баба.

Небылица.

Крыль я у мужика крышу, да и упаль. Вотъ прилетѣли комаръ да муха, подхватили меня на воздухъ за волоса и подняли на небеса. На небѣ-то изба стоитъ, сдѣлана изъ колобковъ, покрыта блинками, заперта крендельками. Разломилъ я кренделекъ, зашелъ въ избу, а въ избѣ-то котъ. Я кота въ темячко — посыпалось сѣмячко.

На небѣ-то, какъ и у насъ—и сѣютъ, и жнутъ, и молотятъ, и ленъ колотятъ. Вотъ и попросилъ я у бабъ мякинки, свилъ изъ нея веревку и сталъ спускаться. А веревка-то коротка. Дѣлать нечего,—качался я, качался отъ Москвы до Питера и отъ Питера до Москвы, и упаль въ грязь по самыя уши. Ужъ я сидѣлъ, сидѣлъ, наскучило сидѣть. Пошелъ за заступомъ и вырылъ самого себя.

Вотъ и теперь съ вами!

Старуха и квашня.

С К А З К А .

Жили-были старикъ со старухой. Вотъ однажды старикъ ушелъ въ лѣсъ, сучечковъ посбирать, а старуха осталась одна и отъ нечего дѣлать полѣзла на печку, полежать да погрѣться. А на печкѣ-то кисла квашня съ тѣстомъ: еще съ вечера она была поставлена.

Старуха сѣла на край печи и стала съ ногъ лапти снимать. Только успѣла она оборы (веревочки) развить, а за ней вдругъ какъ что-то зашипить... Это тѣсто-то въ квашнѣ начало киснуть. Не догадалась объ этомъ старуха, а подумала, что за трубой на печи кто-то лежитъ.

Слушала она, слушала,—опять зашипѣло, еще пуще. Тутъ ужъ старуха не выдержала: соскочила съ печи, да бѣжать вонъ изъ избы. Только изъ двери-то собралась выскочить, хлопнула дверью, да оборы-то и прихлопнула. Тутъ ужъ ни съ мѣста: растянулась за порогомъ,—кажется ей, что кто-то ее сзади за веревочки отъ лаптей держитъ, и думаетъ старуха:

— Это, вѣрно, тотъ, что за трубой шипѣлъ!

А въ это время тѣсто изъ квашни ушло, поползло по печи, да на полъ-то шлепъ да шлепъ. А старухѣ

кажется, что въ избѣ кто-то ходить... Вотъ она и закричала, что есть мочи.

— Ой, не держи! все равно, не боюсь—убѣгу!

Такъ лежала и кричала старуха до самаго прихода своего старика, а тѣсто-то съ печи шлепъ да шлепъ на полъ, пока все не перешлепалось.

Вотъ пришелъ старикъ, сложилъ вязанку набранныхъ сучьевъ въ сѣняхъ и подошелъ къ старухѣ.

— Что это ты тутъ лежишь?—спрашиваетъ.

— Не видишь развѣ?—говоритъ она:—воръ за дверью меня за оборы держитъ! Старикъ отворилъ дверь, посмотрѣлъ въ избу, — видитъ: никого нѣтъ, только тѣсто у печи грудой лежитъ, и говоритъ своей старухѣ:

— Вставай! Никакого вора нѣту! А та все не вѣрять, свое твердить.

— Какое, — говоритъ, — нѣтъ!—Сама слышала—за трубой шипѣлъ: «вотъ я тебѣ, вотъ я тебѣ!»—Смотри, онъ опять на печку ушелъ...

— Нѣтъ, — увѣряетъ старикъ, — это не воръ на печку ушелъ, а тѣсто у тебя съ печки на полъ ушло.— Гляди-ка—все оно у тебя на полу!

— Какъ бы не такъ!—Это воръ-то его и пролилъ. Слышала я, какъ онъ шипѣлъ за трубой-то.

— Полно, дура старая!—разсердился, наконецъ, старикъ.—Это ты квашни испугалась.

— Нѣтъ, я слышала, что человѣкъ. Какая тутъ квашня!—спорила старуха.

Тутъ старикъ, видя, что ничего съ ней не подѣлаешь, на рукахъ внесъ ее въ избу и показалъ ей ущедшее на полъ тѣсто. Только тогда поняла старуха, чего она испугалась...

Не даромъ сказываютъ: «у страха глаза велики». И тѣсто за вора можетъ показаться.

Звѣриная зимовка.

Шель быкъ лѣсомъ; попадается ему навстрѣчу барань.

— Куда, барань, идешь?—спрашиваетъ быкъ.

— Отъ зимы лѣта ищу,—говорить барань.

— Пойдемъ со мной.

Вотъ пошли вмѣстѣ; попадается имъ навстрѣчу свинья.

— Куда, свинья, идешь?—спросилъ быкъ.

— Отъ зимы лѣта ищу,—отвѣчаетъ свинья.

— Иди съ нами!

Пошли втроемъ дальше; навстрѣчу имъ попадается гусь.

— Куда, гусь, идешь?—спросилъ быкъ.

— Отъ зимы лѣта ищу,—отвѣчаетъ гусь.

— Ну, иди за нами!

Идутъ, а навстрѣчу имъ пѣтухъ.

— Куда, пѣтухъ, идешь?—спросилъ быкъ.

— Отъ зимы лѣта ищу,—отвѣчаетъ пѣтухъ.

— Иди за нами!

Вотъ идутъ они путемъ-дорогою и разговариваютъ промежъ себя: «какъ же, братцы? Время приходитъ холодное,—гдѣ тепла искать?»

Быкъ и говоритъ: «давайте избу строить, а то и впрямь зимою замерзнемъ».

Барань говоритъ: «у меня шуба тепла,—вишь какая шерсть! Я и такъ прозимую». Свинья говоритъ: «а по мнѣ хоть какіе морозы, я не боюсь: зарююсь

въ землю и безъ избы прозимую». Гусь говоритъ: «а я сяду въ середину ели, одно крыло на себя, другое подъ себя, — меня никакой холодъ не возьметъ; я и такъ прозимую». Пѣтухъ говоритъ: «и я тожь!»

Быкъ видитъ, дѣло плохо: надо одному хлопотать.— Ну,—говоритъ,—вы какъ хотите, а я стану избу строить. Выстроилъ избушку и живетъ въ ней. Вотъ пришла зима холодная, стали пробирать морозы; барань—дѣлать нечего—приходитъ къ быку: «пусти, братъ, погрѣться!» — Нѣтъ, барань, у тебя шуба теплая; ты и такъ перезимуешь.

— А непустишь, такъ я разбѣгусь и вышибу изъ избы бревно,—тебѣ же будетъ холоднѣе.

Быкъ думаль-думаль: «дай пуцу, а то, пожалуй, и впрямь заморозить», и пустилъ барана.

И свинья прозябла, пришла къ нему: «пусти, братъ, погрѣться». — Нѣтъ, не пуцу; ты въ землю зароешься—и такъ прозимуешь!» — «А, непустишь, такъ я рыломъ всѣ столбы подрою и твою избу уроню».

Дѣлать нечего, пришлось пустить свинью. Тутъ пришли гусь и пѣтухъ: «пусти, братъ, погрѣться». — Нѣтъ, не пуцу; у васъ по два крыла: одно постелешь, другимъ одѣнешься, и такъ прозимуете!» — «А, непустишь»,—говоритъ гусь, «такъ я весь мохъ изъ твоихъ стѣнъ повыщиплю, тебѣ же холоднѣе будетъ». — «Непустишь?» —говоритъ пѣтухъ, «такъ я взлѣзу наверхъ, всю землю съ потолка сгребу,—тебѣ же холоднѣе будетъ!» Нечего дѣлать,—пустилъ быкъ жить къ себѣ и гуся, и пѣтуха.

Вотъ живутъ они себѣ, поживаютъ въ избушкѣ. Отогрѣлся въ теплѣ пѣтухъ и началъ пѣсенки распѣвать. Услышала лиса, что пѣтухъ пѣсенки распѣваетъ, захотѣлось пѣтушкомъ полакомиться. Да какъ достать его?

Лиса поднялась на хитрости, отправилась къ мед-

вѣдю да волку и сказала: — любезные куманьки! я нашла для всѣхъ поживу: для васъ барана, а для себя пѣтуха.

— Хорошо, кумушка,—говорятъ медвѣдь и волкъ,—мы твоихъ услугъ никогда не забудемъ! Пойдемъ же, зарѣжемъ ихъ, да поѣдимъ.

Лиса привела ихъ къ избушкѣ.

— Кумъ!—говоритъ она медвѣдю,—отвориай дверь: я напередъ пойду, пѣтуха съѣмъ.

Медвѣдь отворилъ дверь, а лиса вскочила въ избушку. Быкъ увидалъ ее и тотчасъ прижалъ къ стѣнѣ, а баранъ началъ осаживать по бокамъ; изъ лисы—и духъ вонь.

— Что она тамъ долго съ пѣтухомъ не можетъ управиться?—говоритъ волкъ. Отпирай, братъ, Михайло Ивановичъ! Я пойду!

— Ну ступай!

Медвѣдь отворилъ дверь, а волкъ вскочилъ въ избушку.

Быкъ и его прижалъ къ стѣнѣ рогами, а баранъ—ну осаживать по бокамъ, и такъ его приняли, что волкъ дышать пересталъ.

Вотъ медвѣдь ждалъ, ждалъ: «что онъ до сихъ поръ не можетъ управиться съ бараномъ! Дай я пойду». Вошелъ въ избушку, а быкъ да баранъ и его тоже приняли; насилу вырвался, и пустился бѣжать безъ оглядки.

Сказка о мушкѣ-царицѣ.

Лежала на дорогѣ рукавица. Летѣла мушка-царица, видитъ—лежитъ на дорогѣ рукавица. Она туда влѣзла и сидитъ. Идетъ зайчикъ-Степанчикъ.—Кто тутъ?—Я, мушка-царица. Зайчикъ полѣзъ туда. Идетъ лисичка-сзади спичка.—Кто тутъ?—Я, мушка-царица. И лиса полѣзла туда же. Идетъ волчище—сѣрый хвостище.—Кто тутъ?—Я, мушка-царица. Волкъ полѣзъ туда. Идетъ медвѣдь толстый.—Кто тутъ?—Я, мушка-царица. И онъ полѣзъ.

Вотъ они сидѣли, сидѣли, ѣсть захотѣли.—Давайте, говоритъ медвѣдь, кричать; кто громче закричитъ, того не ѣсть, а кто тише, того ѣсть. Мушка-царица услышала и спряталась въ напальчикъ. Медвѣдь, какъ зарычитъ на всю рукавицу. Тутъ и волкъ закричалъ, и лисичка, а зайчикъ не вытянулъ. Звѣри подскочили и съѣли его. Вотъ они сидѣли, сидѣли и опять ѣсть захотѣли. Опять стали кричать. Медвѣдь какъ закричитъ на всю рукавицу, тутъ и волчище-сѣрый хвостище, а лисичка-сзади спичка не вытянула. Сейчасъ подскочили и лису съѣли. Посидѣли, опять ѣсть захотѣли.—Ну, волчище-сѣрый хвостище,—говоритъ медвѣдь,—если ты громче меня закричишь, ты меня ѣшь, а если я громче закричу, я тебя съѣмъ.—Медвѣдь, какъ закричитъ, чуть рукавица не разорвалась; а волчище-сѣрый хвостище не вытянулъ. Медвѣдь вскочилъ и съѣлъ его. Сидѣлъ, сидѣлъ, опять ѣсть захотѣлъ.—Гдѣ-жъ это мушка-царица? и ушелъ въ лѣсъ искать ее. А мушка-царица тѣмъ временемъ вышла изъ напальчика и полетѣла.

Пѣтухъ и курица.

Жили-были курочка съ пѣтушкомъ, и пошли они въ лѣсъ по орѣхи. Пришли къ орѣшнику; пѣтушокъ залѣзъ на орѣшникъ рвать орѣхи, а курочку оставилъ на землѣ подбирать: пѣтушокъ кидаетъ, а курочка подбираетъ. Вотъ кинулъ пѣтушокъ орѣшекъ и попалъ курочкѣ въ глазокъ. Курочка пошла — плачетъ. Вотъ ѣдутъ бояре и спрашиваютъ: «курочка, курочка! что ты плачешь?» — Мнѣ пѣтушокъ вышибъ глазокъ. — Пѣтушокъ, пѣтушокъ! на что ты курочкѣ вышибъ глазокъ? — Мнѣ орѣшникъ штаники разорвалъ. — Орѣшникъ, орѣшникъ! на что ты пѣтушку одежду разорвалъ? — Меня козы подглодали. — Козы, козы! на что вы орѣшникъ подглодали? — Насъ пастухи не берегутъ. — Пастухи, пастухи! что вы козъ не бережете? — Насъ хозяйка блинами не кормитъ. — Хозяйка, хозяйка! что ты пастуховъ блинами не кормишь? — У меня свинья опару пролила. — Свинья, свинья! на что ты у хозяйки опару пролила? — У меня волкъ поросеночка унесъ. — Волкъ, волкъ! на что ты у свиньи поросеночка унесъ? — Я ѣсть захотѣлъ, мнѣ и Богъ велѣлъ.

Мужикъ и гречиѡа.

(С К А З К А).

Жиль-быль мужикъ Филать. Лѣнивѣе его во всей деревнѣ не было. Не пахаль, не сѣяль, все только на печи валялся, да безъ толку бранился, а жена за него всю работу справляла.

Вотъ разъ приходитъ онъ откуда-то домой, а жена и говоритъ ему: «Ахъ, ты бездѣльникъ, лѣнтяй, я одна всю гречиху обмолотила! Ступай, да хоть въ мѣшки ее ссыпь!»—«Ладно, сдѣлаю». Пошелъ Филать на гумно, видитъ: много гречихи обмолочено. Сѣлъ онъ на соломѣ и думаетъ: «Ишь, сколько баба гречихи-то намолотила! Гдѣ ее всю въ мѣшки всыпать! Вотъ если-бъ гречиха сама туда влѣзла. Попробую-ка, авось выйдетъ по-моему».

Обрадовался Филать, раскрылъ мѣшокъ и говоритъ: «Гречиха, а гречиха! Полѣзай ка сюда!» А гречиха ему: «Какъ бы не такъ! Били меня, колотили меня, да еще и въ мѣшокъ сама полѣзай. Нѣтъ, не дождешься!»—Ахъ, ты, дрянъ этакая! Я тебѣ хозяинъ, а ты не слушаешься! Найду я на тебя управу. Эй, мыши! идите гречиху ѣсть!—Что мы за дураки,—говорятъ мыши,—чтобъ гречиху грызть, когда пшеницы до-сыта наѣлись!

Тутъ Филать ужъ совсѣмъ разсердился. «Какъ?—говорить,—и мыши меня слушаться не хотятъ! Ну, плохо же имъ придется. Пошлю на нихъ кота-Ваську!» Вернулся домой и говоритъ коту: «Ступай, Вася, ско-

рѣе на гумно, лови мышей: мыши не хотятъ гречиху ѣсть, гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть». А Васька и съ печи слѣзати не хочетъ, лежитъ себѣ, хвостомъ помахиваетъ. «Что я на гумно за мышами пойду,—ихъ у меня и здѣсь столько, что не переловишь».

Мужикъ еще больше разсердился. «Бунтъ, да и только! Задамъ же я тебѣ, Васька! Вотъ позову Жучку, такъ другое запоешь». Вышелъ на дворъ и позвалъ собаку. «Жучка, а Жучка! Поди, задави кота-Ваську: котъ не хочетъ мышей ловить, мыши не хотятъ гречиху ѣсть, гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть». Жучка подходитъ, хвостомъ машетъ, къ хозяину ласкается, а говоритъ: «Неправду люди говорятъ, что кошка съ собакой всѣхъ хуже живутъ. Васька мнѣ кумъ, какъ я его буду давить?».

— Ну,—думаетъ Филать,—въ пору изъ дому убѣжать! Пойду въ лѣсъ, у волка на Жучку управы искать.—Пошелъ въ лѣсъ, увидалъ волка подъ кустомъ и просить: «Сдѣлай милость, поди, разорви мою Жучку: Жучка не хочетъ Ваську давить, Васька не хочетъ мышей ловить, мыши не хотятъ гречиху ѣсть, гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть.—Ступай вонъ! Что мнѣ твоя Жучка, когда я сейчасъ барана съѣлъ? Уходи лучше, не приставай, а то и самого тебя разорву».

Ушелъ мужикъ самъ не свой отъ злости. «Погоди,—думаетъ,—я тебя уйму: узнаешь, какъ мнѣ грубянить!» Отправился онъ въ село, зоветъ сосѣдей: «Братцы, пособите моей бѣдѣ! Подите, застрѣлите волка: волкъ не хочетъ Жучку душиить, Жучка не хочетъ Ваську давить, Васька не хочетъ мышей ловить, мыши не хотятъ гречиху ѣсть, гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть.—Убирайся ты по добру по здорову!—говорять мужики,—до твоихъ-ли теперь волковъ. Подати платить надо, съ ногъ сбились, а ты съ глупостями пристаешь!»

Поплелся Филать изъ деревни ни съ чѣмъ. «Теперь,—думаетъ,—поплатитесь вы мнѣ! Не хотѣли помочь, такъ я же вамъ краснаго пѣтуха приведу». Пришелъ къ огню, просить: «Батюшка, огонь ясный, пособи моему горю! Поди, сожги село: мужики не идутъ волка бить, волкъ не идетъ Жучку душить, Жучка не идетъ Ваську давить, Васька не идетъ мышей ловить, мыши не идутъ гречиху ѣсть, а гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть.—А ну тебя!—говорить огонь.—И такъ укоряютъ, будто я самъ села жгу. Что мнѣ мужиковъ обижать? Да видишь, я картошку сейчасъ пеку. Не пойду я!—Постой же, заплачу я тебѣ! Позову на тебя воду, тогда вспомнишь, да поздно будетъ!» Пошелъ мужикъ къ рѣкѣ и давай просить: «Матушка, водица студена, помоги хоть ты! Поди, затуши огонь: огонь не хочетъ село палить, село не идетъ волка бить, волкъ не идетъ Жучку душить, Жучка не идетъ Ваську давить, Васька не идетъ мышей ловить, мыши не идутъ гречиху ѣсть, гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть.—Вотъ нашель время приставать,—говорить вода,—не пойду я, меня и такъ мало, а еще мельницу верчу. Ступай прочь!

— Ну,—говорить Филать,—если и ты такъ, пошлю я на тебя землю: засыплетъ она тебя и слѣда не оставитъ. Матушка, сыра-земля, не выдай хоть ты! На тебя, кормилица, одна надежда. Помоги ты мнѣ, засыпь рѣку: рѣка не идетъ огонь гасить, огонь не хочетъ село палить, село не идетъ волка бить, волкъ не идетъ Жучку душить, Жучка не идетъ Ваську давить, Васька не идетъ мышей ловить, мыши не идутъ гречиху ѣсть, гречиха не хочетъ въ мѣшокъ лѣзть.—А,—говорить земля,—ко мнѣ пришелъ; такъ-то всегда всѣ вы на меня надѣтесь. Ну, такъ и быть, засыплю тебѣ рѣку. Возьми лопату, да кидай меня туда».

Обрадовался Филать, бросился домой, взялъ ло-

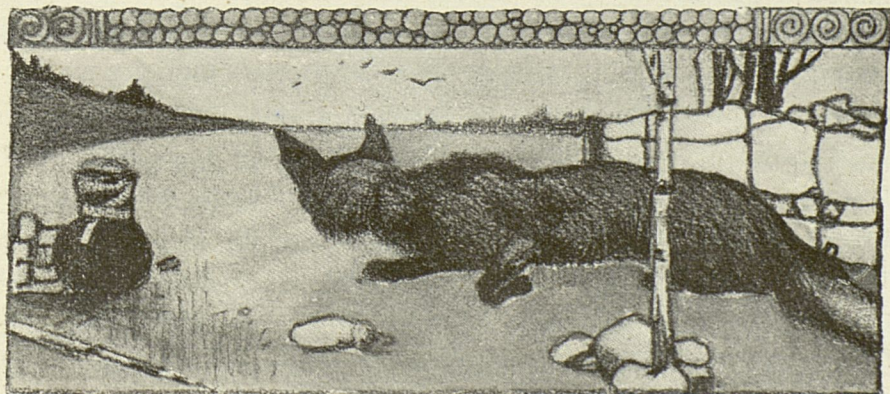
пату и принялся землю въ рѣку кидать. Кидаеть онъ день, кидаеть другой, третій — пошла рѣка огонь гасить, пошелъ огонь село палить, пошло село волка бить, пошелъ волкъ Жучку душить, пошла Жучка Ваську давить, пошелъ Васька мышей ловить, пошли мыши гречиху ѣсть, пошла гречиха въ мѣшки лѣзть.

Взяла баба мѣшки, свезла на мельницу, намолола муки, напекла блиновъ. Тѣ блины и я ѣлъ, наѣвшись на печи заснулъ, и эту самую сказку во снѣ увидалъ.

ЛИСА и КОЗЕЛЬ.

(С К А З К А.)

Пришли для лисы тяжелые дни. Голодь одолеваетъ, а ѣсть нечего. Бродить она, бродить, ищеть чего-нибудь перекусить; о курочкахъ и думать забыла, всему рада. Вышла она, голодная, въ поле, видитъ: стоитъ неподалеку корзинка съ хлѣбомъ, да кувшинъ, а въ сторонѣ старуха рожь жнетъ. Подобралась лиса

тихонько къ корзинкѣ, весь хлѣбъ съѣла; заглянула въ кувшинъ, а тамъ молоко. Всунула кое-какъ голову, все выпила,—глядь, а головы-то назадъ и не вытащить. Какъ ни бьется, ничего не выходитъ. Не знаетъ лиса, какъ изъ бѣды выйти, ходитъ по полю, головой моетъ, а сама приговариваетъ: «Ну, кувшинушка, отпусти меня, голубчикъ! Довольно шутить! Пора же и честь знать! Ну, перестань же, не дурачься!» А кувшинъ все такъ же крѣпко сидитъ.

Тутъ какъ разъ проходилъ по жнивью старикъ. Увидаль лису съ кувшиномъ на головѣ и обрадовался. «Теперь,—думаетъ,—ты у меня попляшешь». Взялъ полѣно, подкрался поближе, да какъ дастъ лисѣ по ногамъ. Свѣту не взвидѣла лиса, кинулась въ сторону и головой прямо о каменьхватила. Кувшинъ разбился вдребезги, оглянулась лиса, а старикъ съ полѣномъ за ней бѣжитъ. Помчалась она со страху на трехъ ногахъ къ лѣсу, да такъ бѣжала, что не только старикъ, и собаки бы не догнали!

Убѣжать-то лисѣ удалось, да зашибленная нога разболѣлась. Ни лечь нельзя спокойно, ни итти; бродить лиса, прихрамываетъ. А тутъ еще жара покою не даетъ. Была въ то лѣто большая засуха; ни въ ручьяхъ, ни въ канавахъ капли воды не отыскать, а до рѣчки далеко. Хочется лисѣ пить, не знаетъ, куда дѣться. Приплелась къ монастырю, смотритъ, а въ кустахъ каменный колодець виднѣется. Обрадовалась лиса, взобралась на колодезную стѣнку, а воды достать не можетъ. Да ужъ очень ей пить хотѣлось. «Эхъ,—думаетъ,—сяду-ка я въ ведро, да и спущусь внизъ. Безъ питья-то все равно конецъ придетъ. Да и не глубоко тутъ, авось вылѣзу». Съла въ ведро и спустилась въ колодець. Воды-то въ немъ была самая малость, а выбраться все-таки нельзя. Видитъ лиса: дѣло плохо, сидитъ въ колодцѣ и пригорюнилась.

Проходитъ мимо монастырскій козлице, длинная бородища, бородой потряхиваетъ, рогами помахиваетъ, хвостомъ вертитъ, изъ стороны въ сторону безъ пути болтается. Шель онъ, заглянулъ въ колодець, увидаль лису и удивился:

— А, Лиса Патрикѣевна, мое почтеніе!

— Здравствуй, Кузьма Никитичъ! Куда это ты собрался?

— Да что, хоть въ лѣсъ пойду, тамъ можетъ лучше,

а то въ конюшнѣ такая жара, что хоть умирай, да и мухи покоя не даютъ.

— И не думай, Кузьма Никитичъ,—въ лѣсу не лучше. Сама только что оттуда выбралась, сюда отдохнуть пришла. А здѣсь-то сущій рай! Водицы вдоволь, прохладно, и мухи не одолѣваютъ.

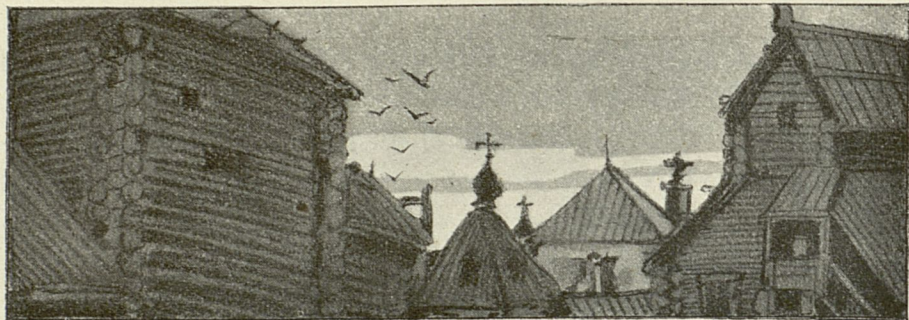
— А вѣдь и правда, не худо у тебя тамъ.

— Что и говорить, Кузьма Никитичъ! Да хочешь, самъ спрыгни ко мнѣ, отдохнешь въ холодкѣ-то, а мѣста хватить.

Козель-дурень обрадовался, да и прыгнулъ въ колодець, а лиса какъ накинется на него: «Вотъ болванъ, вотъ увалень, и спрыгнуть-то не могъ, какъ надо! Едва меня не задавилъ! Ахъ ты, дубина этакая! Ну, становись скорѣй на заднія ноги, да упрись въ стѣнку лбомъ, дай хоть повернуться-то мнѣ!» Козель опомниться не успѣлъ, сталъ на заднія ноги, а лбомъ въ стѣнку уперся. Лиса только того и ждала, мигомъ взобралась по козлиной спинѣ, да по рогамъ наверхъ. «Ну,—говорить,—теперь прощай, Кузьма Никитичъ, отдыхай на свободѣ, а мнѣ некогда». И была такова.

Козель сидѣлъ, сидѣлъ въ колодцѣ, весь промокъ, бѣдняга, прозябъ, да и голодь его измучилъ. Наконецъ, сталъ онъ кричать благимъ матомъ, чуть горло не надорвалъ. Насилу монастырскіе конюхи о немъ вспомнили, нашли по крику и изъ колодца вызволили.

Зато и отдѣлали же они бѣднаго козла палками: «Не шатайся по лѣсу. Не валяйся въ колодцахъ».

Симеонъ-богатырь.

Въ бѣдности, въ простой семьѣ крестьянской, родился славный Симеонъ-богатырь. Росъ себѣ мальчикъ на полной свободѣ, какъ трава въ полѣ; съ товарищами на улицахъ въ бабки игралъ, да взапуски бѣгалъ. Только началъ онъ немного подрастать, ужъ видна въ немъ стала сила богатырская. Съ кѣмъ ни начнетъ Симеонъ бороться,—никто его одолѣть не можетъ; какъ ни побѣжитъ—никому не угнаться. Во всѣхъ играхъ онъ — первый; нѣтъ никого веселѣе, нѣтъ плясуна искуснѣе.

Пошла о немъ по селу слава; отецъ съ матерью радуются: удалой молодецъ будетъ. А самъ Симеонъ, знай, играми забавляется, да силу пробуетъ.

Такъ жилъ онъ, ни о чемъ не думалъ, спала его сила богатырская. Только разъ игралъ онъ съ товарищами и видитъ: идетъ, много народу все въ одну сторону и кто барана ведетъ, кто быка, кто меду тащить. Стоитъ Симеонъ, дивится: куда это столько добра несутъ? Вдругъ слышитъ онъ: дѣти плачутъ; глядитъ—идетъ женщина и то же что-то съѣстное несутъ, а сзади ребятишки бѣгутъ, худые да оборванные, смотрѣтъ жалко, и въ голосъ плачутъ: «мама! мама! ѣсть хочется, дай!»

Не выдержалъ Симеонъ, бросилъ товарищей и побѣжалъ туда. Спрашиваетъ того, другого: куда все это

несутъ, зачѣмъ? И кого ни спросить, отъ всѣхъ одинъ отвѣтъ: несемъ дань колдуну Горыну Горынычу. Нахмурился Симеонъ. Пришелъ онъ домой какъ туча, сѣлъ за столъ и сталъ думать думу крѣпкую: какъ-бы злого колдуна Горына Горыныча извести, какъ народъ отъ дани освободить.

Съ тѣхъ поръ не видно стало Симеона на улицѣ, не слышно его звонкаго голоса. Испугались отецъ съ матерью: не испортилъ-ли кто сына, не занемогъ-ли? Приступили къ нему съ разспросами. Долго молчалъ Симеонъ, наконецъ, такъ заговорилъ: «Слушай, батюшка, и ты, родимая матушка! Не испортили меня лихіе люди и крѣпка моя сила богатырская. Только болить мое сердце, не могу я стерпѣть, чтобъ владѣлъ нами злой колдунъ, чтобъ платили ему села наши дань непосильную!» Залилась слезами мать Симеона, испугался отецъ. Стали они сына уговаривать не губить даромъ жизнь молодецкую, не гнѣвить хитраго колдуна, страшнаго Горына Горыныча. Замолчалъ Симеонъ, только пуще нахмурился.

Видятъ товарищи, что не выходитъ Симеонъ на солнышко, не играетъ, не пляшетъ, пришли къ нему и спрашиваютъ: почему хмурый сидитъ, не усмѣхнется, почему старья забавы бросилъ? Разказалъ имъ Симеонъ свою думу. «Опротивѣли мнѣ игры и забавы; не терпитъ мое сердце, что владѣтъ нами трусливый и злой колдунъ Горынь. Не могу я больше гулять съ вами по селу, пока не добыюсь для васъ свободы. Тогда только вернется ко мнѣ веселье, тогда опять буду радоваться солнцу красному, звонче прежняго буду пѣсни пѣть!»

Покачали головой товарищи и стали Симеона уговаривать не пробовать съ Горыномъ Горынычемъ бороться, не губить себя понапрасну. Ничего не отвѣтилъ Симеонъ, только еще пуще нахмурился.

Прослышали на селѣ, что задумалъ Симеонъ, испугались всѣ его родичи. Боялись они хитраго колдуна Горына Горыныча, знали, что и на нихъ его гнѣвъ падаетъ. Пришли они всѣ къ Симеону, стали его со слезами упрашивать, не навлекать на нихъ бѣды, не гнѣвить колдуна. А отецъ съ матерью больше всѣхъ убиваются, просятъ сына пожалѣть ихъ старость и свою жизнь молодецкую. Симеонъ на своемъ стоитъ. Такъ и ушли родичи ни съ чѣмъ.

На другой день вышелъ Симеонъ изъ избы, созвалъ все село и сталъ рѣчь держать. «Не хочу,—говорить,—я жить на бѣломъ свѣтѣ, если не выйдете вы изъ неволи. Слушайте: далъ я страшный зарокъ: если не побью я злого, трусливаго колдуна Горына Горыныча, не отрублю ему голову, — не нужна мнѣ тогда моя молодость, не нужна моя сила богатырская: пусть пропадетъ, по вѣтру пылью развѣется! Выручу я васъ всѣхъ изъ неволи, не будетъ вами больше владѣть колдунъ, не будетъ у голодныхъ дѣтей вашихъ хлѣбъ отнимать!» Услышали сельчане Симеоновы смѣлыя рѣчи, испугались, ждуть, какую бѣду на нихъ колдунъ наслетъ, когда узнаетъ. Не вѣрили они Симеоновой силѣ богатырской, не ждали добра отъ его затѣи.

А Симеонъ пришелъ къ отцу и говоритъ ему: «Слушай, батюшка! Что порѣшилъ я, то и сдѣлаю. И не думай уговаривать, а лучше дай добрый совѣтъ: какъ снарядиться мнѣ на страшный бой». Увидаль тутъ отецъ, что не упросить ему сына и такъ сказалъ: «Ступай въ лѣсъ, покажу я тебѣ малую тропинку. Пойдешь по ней и выйдешь на полянку, лежитъ тамъ тяжелый сѣрый камень. Отвалишь камень, войдешь въ подземелье, тамъ увидишь: стоитъ пѣгій конь, а на стѣнѣ виситъ мечъ и сѣдло окованное. Выведи ты этого коня, осѣдай его и мечъ съ собой возьми». Простился Симеонъ съ матерью, принялъ ее благосло-

веніе и пошелъ въ лѣсъ. Нашель онъ все, какъ отецъ говорилъ, вывелъ пѣгаго коня изъ подземелья, осѣдлалъ его и мечомъ опоясался. Сѣлъ на коня и ударилъ его плетью. Три раза поднялся съ нимъ пѣгій конь къ небу и на землю опустился; Симеонъ сидитъ, не шелохнется. Потомъ поѣхалъ онъ по той самой дорогѣ, гдѣ носили изъ всѣхъ селъ дань Горыну Горынычу. Засѣлъ Симеонъ на дорогѣ, всѣхъ, кто ѣдетъ, останавливаетъ, никого къ Горыну Горынычу не пропускаетъ, а если дань везутъ, отнимаетъ. Бойтся народъ по этой дорогѣ ѣздить, а колдуну дани не привезти еще страшнѣй; стали къ Горыну Горынычу тайкомъ, окольными путями ходить и донесли, что засѣлъ богатырь Симеонъ на дорогѣ, не даетъ никому дань нести, отнимаетъ. Ждали въ Симеоновомъ селѣ, что теперь погубить его колдунъ, оплакивали молодца, а Горынъ Горынычъ и не думаетъ къ нему подступаться.

Сидѣлъ, сидѣлъ Симеонъ на дорогѣ, отнималъ дань у проѣзжихъ; видитъ: не дожидаться ему тамъ колдуна, не помочь бѣдѣ. Попрежнему живетъ въ своемъ дворцѣ Горынъ Горынычъ, попрежнему несутъ ему дань изъ селеній, а голодные дѣти въ избахъ безъ хлѣба сидятъ. Порѣшилъ тогда Симеонъ самъ къ колдуну явиться. Подѣхалъ къ его дворцу и давай грознымъ голосомъ Горына Горыныча вызывать.

Золь былъ колдунъ, а трусливъ, какъ заяцъ. Притворился больнымъ и выслалъ слугъ сказать Симеону: занемогъ, молъ. А тотъ имъ въ отвѣтъ: «Коли онъ занемогъ, такъ я здоровъ и самъ къ нему приду». Слѣзь Симеонъ съ коня, пошелъ въ покои и говоритъ колдуну: «Здравствуй, батюшка Горынъ Горынычъ!» А колдунъ ему: «Ахъ, провались ты!» Выхватилъ Симеонъ свой мечъ, да колдунъ успѣлъ въ окно выпрыгнуть и бѣжать пустился. Симеонъ за нимъ, какъ птица летитъ. Видитъ колдунъ: не укрыться ему отъ Симеона

на землѣ, улетѣлъ въ поднебесье, да тамъ и остался. Построилъ себѣ стеклянный дворецъ и сталъ жить, а чтобы Симеону отомстить, заколдовалъ дождь, послалъ на село засуху. Тяжелое время настало: деревья стоятъ голыя, хлѣба не цвѣтутъ, ручьи пересыхаютъ, скоть у людей мреть. Не знаютъ крестьяне, какъ бѣдѣ помочь, стали они укорять Симеона: «Прежде хоть и колдунъ нами владѣлъ, все-таки какъ-нибудь жили, а теперь вовсе погибать надо. Обѣщаль ты намъ помочь, а какую бѣду сдѣлалъ! Теперь самъ и поправляй, какъ хочешь!» Горько было Симеону видѣть, какъ изъ-за него народъ страдаетъ. Ходилъ онъ угрюмый и все думалъ, какъ дѣлу помочь. Думалъ, думалъ, наконецъ, рѣшилъ поѣхать за совѣтомъ къ премудрой княжнѣ Маріи.

По всему свѣту слава ходила о ея красотѣ и мудрости. Сколькихъ богатырей она своими совѣтами изъ бѣды выручала—и счесть нельзя.

Пріѣхаль Симеонъ къ прекрасной княжнѣ, встрѣтила она его ласково и привѣтливо и взялась ему путь къ Горыну Горынычу указать. Велѣла она взять большую пушку, засыпать въ нее 40 пудовъ пороху, а чтобы вмѣсто ядра самъ Симеонъ легъ. Такъ и сдѣлали; пушку зарядили, а выстрѣлить - то боятся. Не находится охотника, да и все тутъ. Подошла тогда сама княжна, взяла головешку и подожгла ей фитиль. Грохнуло такъ, что всѣ кругомъ попадали, и взлетѣлъ Симеонъ въ поднебесье. Попалъ онъ прямо къ Горыну Горынычу. Влетѣлъ во дворецъ, да какъ крикнетъ: «Здравствуй, батюшка Горынъ Горыновичъ!»

Задрожаль колдунъ: «Ахъ, провалиться бы тебѣ! Не давалъ ты мнѣ на землѣ покою, неужто и здѣсь меня не оставишь. Что тебѣ нужно? Неужто ты моей крови хочешь?»

— Я, — говоритъ Симеонъ, — безъ тебя, Горынъ

Горыновичъ, на землѣ соскучился. Не сердись, я хочу съ тобой рѣчь повести, наши храбрые подвиги вспомнить. Я свои, а ты мнѣ твои рассказывать будемъ. Есть намъ чѣмъ похвастаться. Вотъ хоть я первый тебѣ мой лучший подвигъ повѣдаю. Вотъ, слушай-ка.

«Разъ выѣхалъ я изъ дому и захотѣлось мнѣ силу попробовать, съ первымъ встрѣчнымъ удалью помѣряться. Вижу, ѣдутъ сто молодцовъ на бѣлыхъ лошадяхъ и одежда на нихъ вся бѣлая. Сталъ я съ ними драться, всѣхъ убилъ, dospѣхи ихъ къ сѣдламъ привязалъ и погналъ къ себѣ на дворъ сто бѣлыхъ коней. Знатная добыча была! Теперь ты мнѣ свой самый славный подвигъ расскажи».

Дрожить колдунъ, чуетъ бѣду неминуемую, до рассказовъ ли ему! Однако собрался съ духомъ и говорить:

— Поѣхалъ я разъ на охоту, встрѣтилъ сто оленей и тоже всѣхъ въ одинъ день убилъ.

Только кончилъ колдунъ, Симеонъ посмотрѣлъ изъ окна на землю, да какъ крикнетъ: «ой, бѣда-то какая! Что это за рать несмѣтная на наши села идетъ? Погляди-ка, батюшка Горынь Горыновичъ!»

Подбѣжалъ колдунъ къ окну и нагнулся внизъ посмотреть. А Симеонъ только того и ждалъ, выхватилъ мечъ, да какъ хватить его по затылку, такъ разомъ и отсѣкъ колдуну голову.

Семь недѣль послѣ того лился на землю дождь. Снялось волшебное заклятье. Опять зацвѣли хлѣба, зазеленѣли луга и деревья, ручьи водой наполнились. Зажили села въ счастья и довольствѣ, а Симеона за его подвигъ своимъ княземъ выбрали. Женился онъ на премудрой красавицѣ-княжнѣ и разнеслась слава о Симеонѣ-богатырѣ по всему бѣлому свѣту.

Б о р о н а.

Мужикъ дѣлалъ въ избѣ борону, а хозяйка его сидѣла за куделькой. Вотъ мужикъ и спрашиваетъ:

— Такъ, что ли, хозяйка?

— Самъ ты знаешь, что такъ.

— Такъ-то такъ, да вонъ-то какъ?

Снова принялся мужикъ за работу. Посидѣлъ, посидѣлъ и опять спрашиваетъ:

— Такъ что-ли, хозяйка?

— Самъ ты знаешь, что такъ.

— Такъ-то такъ, да вонъ-то какъ?

Сидитъ мужикъ, работаетъ. А самъ нѣтъ-нѣтъ, да и спроситъ жену:

— Такъ-ли, хозяйка?»

Удивляется жена: «Самъ знаешь, что такъ!»

А онъ въ отвѣтъ:

— Такъ-то такъ, да вонъ-то какъ?

Наконецъ, кончилъ мужикъ борону. Понесли ее во дворъ; глядь: а она въ дверь-то и не проходитъ.

Закричалъ мужикъ:

— Что-жь дѣлать-то? Гляди, хозяйка: не лѣзетъ!

— Чего глядѣть?—отвѣчала жена;—гляди, не гляди, а борона въ дверь не пройдетъ.

— Вѣдь я жъ тебя спрашивалъ, а ты говорила: «такъ!»

— Да ты спрашивалъ, такъ ли борону дѣлаешь, я и говорила...

— Нѣтъ, врешь: я жъ тебѣ толковалъ: такъ-то такъ, да вонъ-то какъ?.. А ты знай свое...

Тутъ только догадалась хозяйка, о чемъ ее мужъ спрашивалъ. Стали они другъ друга укорять, да одинъ на другого вину сваливать, и никакъ согласиться не могли.

Л у т о н ю ш к а .

Жиль-быль старикъ со старухой; былъ у нихъ сынокъ Лутоня. Вотъ однажды старикъ съ Лутонею занялись чѣмъ-то на дворѣ; а старуха была въ избѣ. Стала она снимать съ полатей полѣно, уронила его на шестокъ, и тутъ превеликимъ голосомъ закричала и завопила. Вотъ старикъ услыхаль крикъ, прибѣжалъ поспѣшно въ избу и спрашиваетъ старуху: о чемъ она кричить? Старуха сквозь слезы стала говорить ему: «Да вотъ если-бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него былъ сыночекъ, да если бы онъ тутъ сидѣлъ на шесткѣ—я бы его вѣдь ушибла полѣномъ-то!» Ну, и старикъ началъ вмѣстѣ съ нею кричать о томъ, говоря: «И то вѣдь, старуха! ты ушибла бы его!» Кричатъ оба что ни есть мочи! Вотъ бѣжитъ со двора Лутоня и спрашиваетъ: «О чемъ вы кричите?» Они сказали о чемъ: «Если бы мы тебя женили, да былъ бы у тебя сынокъ, и если бъ онъ давеча сидѣлъ вотъ здѣсь, старуха убила бы его полѣномъ: оно упало прямо сюда, да такъ стукнуло!» «Ну», сказалъ Лутоня, «исполать вамъ!» Потомъ взялъ свою шапку въ охапку и говоритъ: «Прощайте! если я найду кого глупѣе васъ, то приду къ вамъ опять, а не найду—и не ждите меня!»—и ушелъ....

Шель, шель, и видитъ: мужики на избу тащатъ корову. «Зачѣмъ вы тащите корову?» спросилъ Лутоня. Они сказали ему: «да вотъ видишь, сколько выросло тамъ травы-то! «Ахъ, дураки набитые!» сказалъ Лутоня,

взялъ — залѣзь на избу, сорвалъ траву и бросилъ коровѣ. Мужики очень тому удивились и стали просить Лутоню, чтобы онъ у нихъ пожилъ, да поучилъ ихъ.

«Нѣтъ», сказалъ Лутоня, «у меня такихъ дураковъ еще много по бѣлу-свѣту» — и пошелъ дальше....

Вотъ въ одномъ селѣ увидалъ онъ толпу мужиковъ

у избы: привязали они въ воротахъ хомуть и палками вгоняють въ этотъ хомуть лошадь, измучили ее до полу-смерти. «Что вы дѣлаете?» спросилъ Лутоня. — Да, вотъ, батюшка, хотимъ запрячь лошадку. — «Ахъ, вы дураки набитые! пустите-ка, я вамъ сдѣлаю». Взялъ и надѣлъ хомуть на лошадь. И эти мужики диву на него дались, стали останавливать его и усердно просить, чтобъ остался онъ у нихъ хоть на недѣлку. Нѣтъ, Лутоня пошелъ дальше.

Шель, шель, усталъ и зашелъ на постоялый дворъ. Тутъ увидалъ онъ: хозяйка-старушка сварила саламату, поставила на столъ своимъ ребятамъ, а сама то и дѣло ходить съ ложкою въ погребъ за сметаной. «Зачѣмъ ты, старушка, понапрасну топчешь лапти?» — сказала Лутоня. «Какъ зачѣмъ?» говоритъ старуха охриплымъ голосомъ. «Ты видишь, батюшка, саламата-то на столѣ, а сметана-то въ погребѣ. «Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда сметану-то; у тебя дѣло пошло бы по маслечку!» — «И то, родимый!» Принесла въ избу сметану, посадила съ собою Лутоню. Лутоня наѣлся донельзя, залѣзъ на полати и уснулъ. Когда онъ проснется, тогда и сказка дальше начнется, а теперь пока вся...

М и з г и р ь.

Въ старые годы, въ старопрежніе, въ красную весну, въ теплое лѣто случилась такая въ мірѣ тягота: стали проявляться комары да мошки, людей кусать, горячую кровь пропускать; появился мизгирь, удалой добрый молодець, сталь ножками трясти, да сѣти плести, ставить на пути, куда летаютъ комары да мошки. Грязная муха-строка, злая оса, полетѣла да чуть не пала, да къ мизгирю въ сѣть попала; а мизгирь сталь ее бить да губить, да за горло давить. Муха мизгирю взмолилась: «батюшка мизгирь! не бей ты меня, не губи ты меня; у меня много будетъ дѣтей сиротать, по дворахъ ходить и собакъ дразнить». Тутъ ее мизгирь отпустиль; она полетѣла, зажужжала, возвѣстила всѣмъ комарамъ и мошкамъ: «гой еси вы, комары и мошки убирайтесь подь осиновый корень: проявился мизгирь, сталь ножками трясти, сѣти плести, ставить на пути на дорожки, куда летаютъ комары да мошки; всѣхъ изловить». Они полетѣли, забились подь осиновый корень, лежать, какъ мертвые. Мизгирь пошелъ, нашель сверчка, таракана и клопа: «ты, сверчокъ, сядь на кочекъ нюхать табачокъ; а ты, тараканъ, ударь въ барабанъ; а ты, клопъ-блинникъ, поди подь осиновый корень, пусти про меня, мизгиря-борца, добра молодца, такую славу, что мизгиря-борца, добра молодца, въ живыхъ нѣтъ: въ Казань отослали, въ Казани голову отсѣкли на плахѣ и плаху раскололи». Сверчокъ сѣлъ на кочекъ нюхать табачокъ, а тараканъ ударилъ въ

барабанъ; клопъ-блинникъ пошелъ подъ осиновый корень, говорить: «Что запали, лежите, какъ мертвые? Вѣдь мизгиря-борца, добраго молодца, въ живыхъ нѣтъ: въ Казань отослали, въ Казани голову отсѣкли на плахѣ и плаху раскололи». Они воротились и возвеселились, по три раза перекрестились, полетѣли, чуть не пали, да къ мизгирию всѣ въ сѣть и попали. Онъ и говорить: «Что вы очень мелки! почаще бы ко мнѣ въ гости бывали, пивца-винца пивали и намъ бы давали!»

Хитрый калмыкъ.

Разъ калмыкъ укралъ въ полѣ теленка, ободраль его и съѣлъ съ товарищами. Не осталось отъ теленка ни хрящика, ни косточки.

Подъ вечеръ вышелъ мужикъ искать своего теленка. Встрѣтился онъ съ калмыкомъ и спрашиваетъ:

— Что, братъ Иванъ Ивановичъ, не видалъ ли ты моего теленка?

— Твоего теленка? Да онъ какой былъ? Не пѣгонькій ли?

— Да, да пѣгонькій!

— Бѣлокопытка, что ли?

— Ну, да, бѣлокопытка: онъ и есть!

— И правое ухо распорото? И арканъ на шеѣ болтается?

— Да! Онъ и есть: говорю, онъ! Гдѣ жъ онъ? Видѣлъ ты?

— А? Нѣтъ, не видалъ!»

И пошелъ своимъ путемъ....

*
* *

Парень Ерема, мало чѣмъ короче оглобли, сѣдился верхомъ на лошадь, а мать попросилъ посадить. Взобрался и поскакалъ.

Лошаденка разыгралась подъ нимъ, завертѣла хвостомъ и сбила его сразу. Упалъ Ерема и уткнулся головой прямо въ навозную кучу.

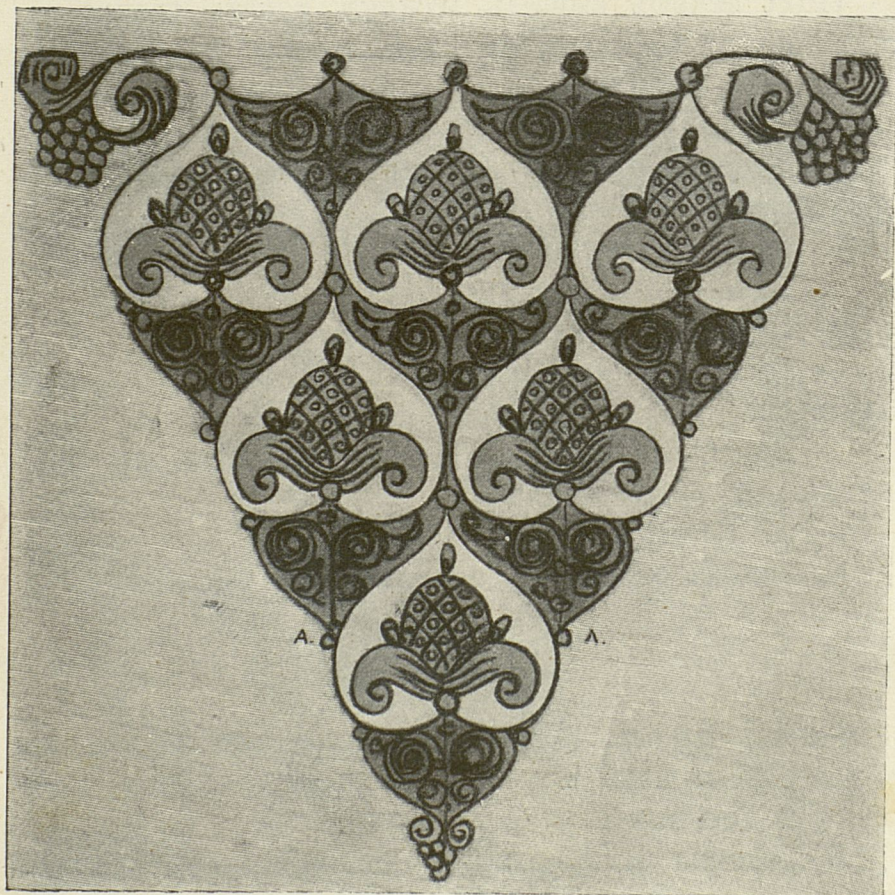
Вотъ идетъ онъ и реветъ, а отецъ ему навстрѣчу грозить кнутомъ.

— погоди, вотъ я тебя! Лошадь-то упустилъ; теперь гдѣ ее искать станешь? Поди-ка сюда, поди, вотъ я тебя!

— погоди, бачка, не бей! не моя тутъ причина.

— А чья же?

— Да меня мамка криво посадила!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Какъ старуха изъ отопочка бычка добыла	1
Козель и волкъ	4
Дивлюсь	6
Сказка про Иванушку-дурачка	7
Иванушка дурень-варень	12
Про Ивана, крестьянскаго сына, и дѣдушку водяного	16
Сказка о золотой горѣ	23
Два брата	33
Овца, лиса и волкъ	36
Птенецъ—Соломенный дворецъ	38
Лисичка и зайчикъ	41
Какъ лисичка дѣвушку-Снѣгурушку изъ бѣды выручила	45
Катя и ягода-земляничка	48
Жена-упрямица	51
Небылица	57
Старуха и квашня	58
Звѣриная зимовка	60
Сказка о мушкѣ-царицѣ	63
Пѣтухъ и курица	64
Мужикъ и гречиха	65
Лиса и козель	69
Симеонъ-богатырь	72
Борона	78
Лутонюшка	80
Мизгирь	83
Хитрый калмыкъ	85

